

The background of the cover is a detailed illustration of a group of Vikings. In the center, a man in a dark tunic and a silver helmet with a nose guard holds a large, round, orange and white shield. To his left, another man in a blue tunic and silver helmet looks off to the side. To the right, another man in a grey tunic and silver helmet is visible. In the background, several red and yellow flags with Viking symbols are flying against a backdrop of green hills and a cloudy sky.

Павел Мамонтов

Княжий Человек

Александр Мазин

цикл "Варяг"

18+

Павел Александрович Мамонтов
Александр Владимирович Мазин
Княжий человек
Серия «Варяг»
Серия «Данила Молодцов», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63954096
SelfPub; 2021*

Аннотация

Данила Молодцов, пришелец из нашего времени, во времена Древней Руси сумел не только выжить, но и стать воином. Теперь его путь лежит на юг, в Киев, где правит стольный князь Владимир. Данила – охранник-обережник купеческого каравана, чей путь лежит по дорогам, волокам и рекам, мимо лесов и болот, где разбойные ватаги – далеко не самые опасные враги. Но если рядом верные друзья, батка дружины и любимая девушка, то и дорога веселей, и враги уже не кажутся неодолимыми.

Павел Мамонтов, Александр Мазин Княжий человек

Глава 1

Трудности судоходства

По серо-зелёным водам Ловати, разлившейся вширь от майских ручьёв, били вёсла сотен наскоро сделанных кораблей-однодеревков, уверенно плывших против течения. На большинстве из них стояли паруса – ветер благоприятствовал и гнал кораблики купцов, охотников и просто искателей приключений к волокам, через которые лежал путь на Юг, к стольным и богатым городам Киеву, Вышгороду, Чернигову... Однодеревки и сами по себе служили товаром – на далёком Юге их пустят на полезные постройки. А вот товары, что они несли на борту – богатства Севера: меха, воск, кость – сулили несметную прибыль тому, кто сумеет их доставить и продать на изобильных и шумных ярмарках Великого торгового пути «из варяг в греки».

Среди них плыли и полтора десятка кораблей видного купца Путяты Жирославовича, а на одном из принадлежавших ему судов работал вёслами Данила Молодцов, парень двадцати шести лет, кудрявый, светловолосый, с чуть темно-

ватой бородкой, одетый в ту же одежду, что и прочие гребцы, но... чужой. Чуждый всему здешнему окружению и обычаям.

Год назад он вполне беззаботно собирался отмечать день рождения друга и по неведомой причине вдруг оказался в совершенно незнакомом мире далёкого прошлого, где ничего не умеющий чужак, по всем правилам и законам, должен был замёрзнуть где-нибудь в хлеву, закованный в колодки. Но Данила, неожиданно в первую очередь для себя, умудрился выжить. И более того – стать своим в компании смелых и отважных ребят. Его приняла в своё дружное братство ватага обережников – купеческих охранников под командованием неимоверно крутого батьки, варяга Воислава Игоревича.

Оглядываясь назад, в своё недавнее прошлое сразу после необъяснимого путешествия в мир средневековья, Данила понимал, что просто не мог выжить. То, что он сейчас сидит на лодке и гребёт, а в сундуке лежит упрятанный подальше от влаги меч – *его меч!* – не меньшее чудо, чем поразительное перемещение из века двадцать первого в век десятый.

Чудо, конечно, чудом и останется, но без новых друзей – Шибриды, Клека, Скорохвата и самого батьки Воислава, который во многом по доброте душевной на пристани Бродова взял лоха-неумеху в свою команду, – не вдыхал бы сейчас Молодцов дивный воздух русского северо-запада. И тем более было вспоминать тех обережников, с которыми он

успел подружиться, но которые не пережили последний год.
– Слева! – раздался крик Шустрика.

Молодцов, не переставая работать, повернулся на звук.

М-да... Речка, конечно, не была так плотно заставлена судами, как автотрасса машинами в пробку, но лодок на ней тоже хватало. Данила в пределах видимости мог насчитать десятка три, не меньше. Иногда расстояние между ними сокращалось до одного-трёх корпусов, а это была уже опасная близость.

Он грёб на двухвёсельной однодеревке на пару с Клеком, у руля стоял опытный Шибрида (река в половодье бывает не менее опасна, чем волнующееся море), вперёд смотрящим был челядин Шустрик, а за ним, подобрав ножки под пёстрой рубахой, сидела Улада и вышивала.

Вереница кораблей Путяты растянулась километров на пять, первые уже скрылись за поворотом Ловати. Однодеревка Шибриды, как одного из самых опытных кормчих, замыкала колонну. Все лодки плыли, стараясь держаться ближе к берегу, где течение было послабее, но вот коллеги по бизнесу по левую сторону на своих трёх однодеревках вылезли на самый стрежень. То ли обогнуть решили и прийти к волокам раньше всех, то ли просто пиво в голову ударило, но эти придурки нашли себе приключения – и на голову, и на другое место.

С течением они явно не справлялись, да ещё ветер подул такой противный, восточный, так что лодки торопливых куп-

цов стало разворачивать – и прямо на суда обережников.

– Чего эти полудохлые тюлени телепаются? Поворачивать надо лодку и идти по течению. У, бескостные слизни, – выругался Шибрида.

– Может, в воронку попали? – предположил Клек, не переставая работать вёслами.

Оба двоюродных брата были похожи как два перста и выглядели чистыми скандинавами: выступающие брови, круглые скулы, мощные челюсти, рыжие густые волосы, голубые глаза. Судя по отчеству Сигаровичи, их отец был викингом по имени Сигар, что означало «воин победы», нурманом или свеем по крови. Данила один раз и вовсе слышал, как Вуефаст, второй воин после Воислава и главный кормчий команды, называл их необычными именами: Клак и Зигфрид. Выходило, что Шибрида и Клек – это переделанные на словенский манер скандинавские имена. Но братья считали себя не скандинавами или викингами, а варягами! Поэтому бороды они сбривали начисто и носили только длинные усы, доходившие до подбородка.

– Или водяной балует! – пискнул Шустрик.

– Никшни, – уронил Шибрида; но задумался.

Клек тоже молчал, он мог сказать только то, что его брат и так знал. На взгляд Данилы, вариантов было три.

Первый – бросать якорь и тормозить. Однако течение их тоже могло подхватить и выбросить на отмель. Сами они останутся невредимыми, но товар!.. Меха от воды испортят-

ся, а это такие деньжищи! Данила в прошлой жизни пытался быть коммерсантом. Если сравнить цены прошлого и будущего, то в одnodеревке они везли груз равный стоимостью если не танкеру с нефтью, то уж солидной барже, гружённой цветметом, точно.

Вторым вариантом было налечь на вёсла и постараться обогнать косоруких лоцманов. При таком ветре и течении задача была непростая, да и риск столкновения оставался, но уже на большой воде.

Третий вариант – поменять курс и попытаться уклониться от потерявших управление одnodеревки, с тем же переменным риском, что и во втором варианте.

До вертевшихся на реке лодок оставалось уже меньше перестрела, метров примерно сто пятьдесят – Данила уже начал привыкать считать расстояния в древних мерах длины.

– Крепи! – закричал Шибрида, он принял решение.

Оба обережника упёрлись ногами в палубу, прижали рукояти вёсел, зафиксировав их в положении под водой. Набравшая скорость одnodеревка начала замедляться – и практически сразу её стало разворачивать по течению.

– Правый – табань, левый – стой! – крикнули с кормы.

Данила поднял весло, а Клек, мгновенно повернувшись на скамье, стал быстро выгребать, отчего нос лодки тут же развернуло к середине реки.

– Оба, греби!

Клек вернулся в предыдущее положение, и они с Дани-

лой слаженно вспенили вёслами воду Ловати. Течение и старания обережников быстро разогнали однодеревку до приличной скорости, теперь она быстро уходила с курса кружившихся на воде лодок. Но их всё равно несло за ней, будто привязанных. Шибриде тоже особо поманеврировать не удавалось, впереди из Новгорода по Ловати шли нескончаемым потоком десятки и десятки одинаковых однодеревок. Чуть зазеваешься – не миновать беды. Впрочем, кормчие на встречных лодках видели ситуацию и старались давать дорогу уходившим от столкновения.

Данила то и дело поглядывал на Уладу. Та, умница, подвернула подол, сапожки и другое имущество собрала в небольшую котомку, которую закинула за спину, – в общем, готовилась к худшему. Эх, не хотелось бы вот так, по-глупому, опрокинуться.

Тем временем одна из лодок успешно влетела на мель, да так, что часть экипажа вылетела в воду от резкой остановки. Вторую прибило к затопленному берегу, поросшему густым лесом. Около берега из воды шипами торчали ветки. Судя по тому, как шустро принялись гребцы забрасывать свёртки с мехами на голые кроны деревьев, никто серьёзно не пострадал.

Ну а третью лодку как раз несло на однодеревку обережников. По закону подлости именно в этот момент на стрежень на своих плавсредствах вылезла другая группа лоцманов-недоумков, так что Шибрида вынужден был отвернуть

и потерять ещё в скорости.

Данила посмотрел на приближавшуюся посудину и понял, что столкновение неизбежно. До неё оставалось метров пять, было хорошо видно, что экипаж её занят бессмысленной суетой, а один из его членов с воём прижимает ладони к лицу.

– Даниил, за багор! – рыкнул Шибрида и командным боевым голосом крикнул тем, кто плыл на соседней лодке: – Правый – табань, левый – крепи! Правым – табань, левым – крепи, забери вас Хель!!!

Молодцов едва успел поднять багор, как сразу пришлось пустить его в ход. Они вместе с Клеком – тот вытащил весло из уключины – вогнали своё «оружие» в борт приближавшейся однодеревки, упёрлись ногами в днище судна, замерли в предельном напряжении, словно в строю. Обе однодеревки соединились, сцепились, будто намертво, – и стали закручиваться уже вдвоём.

Шибрида ногой открыл крышку сундука на банке, не отпуская кормило, вытащил оттуда меч. Воздел его к небу.

– Правый – крепи, левый – табань! – закричал он. – Перуном клянусь, если вы, безмозглые собаки, отрывжки дохлых коз, нас опрокинете, я каждому вскрою его гнилую требуху и заставлю сожрать! Молниерукий со мной!!!

От последнего крика варяга даже Даниле стало не по себе, а уж тем, к кому он был обращён, и подавно. Мотивирующая речь Шибриды возымела своё действие: на лодке зашевелились, забегали, сели на вёсла, и посудина стала замед-

лять вращение.

– Даниил, на скамью! Табань! Брат, держи весло.

Молодцов тут же выполнил команду, сел как положено и что есть сил стал выгребать. Среди всей этой кутерьмы ему в голову полезли глупые мысли о том, что теперь он может работать и смотреть на Уладу, которая вольготно устроилась на носу рядом с Шустриком. Заметив взгляд Данилы и словно угадав его мысли, она подмигнула. Молодцов улыбнулся в ответ.

Меж тем его усилия не пропали даром: однодеревки разошлись дальше чем на длину весла, Клек тут же уселся на скамью и стал вместе с Данилой разгонять лодку.

– Оба греби! – крикнул Шибрида, поворачивая кормило, когда расстояние между двумя судёнышками увеличилось метров до тридцати.

Данила не без сожаления развернулся на сто восемьдесят градусов. Их однодеревка ложилась на верный курс.

Глава 2

Улада

Лодка, ведомая уверенной рукой Шибриды, легко прошла кривую излучины и вышла на прямой участок реки. На оставшихся кораблях Путяты её заметили и поприветствовали радостными криками, экипаж однодеревки не остался в долгу – приятно, когда за тебя переживают, – но от работы не отвлёкся. Данила ритмично грёб вёслами в такт с Клеком,

слушая плеск воды по бортам и то, как Улада тихо напевала что-то за спиной.

Отчаянно тяжёлой работы – гребли против течения, перетаскивания кораблей через волоки и прочего – предстояло ещё минимум дней десять. Даниле было нелегко, но за прошлый год он уже успел достаточно натренироваться. Тогда они плыли вверх по Днепру на главном корабле Путяты, семипарной «Лебёдушке», и ворочать приходилось настоящее корабельное весло. Молодцов и тогда справился, тем более работал он не один – вместе с ним на скамье грёб обережник Ждан. С ним Данила за несколько месяцев путешествия по-настоящему сдружился.

Ждан погиб этой зимой, во время стычки с нурманами, осадившими заимку охотника Завида, где остановились купцы со своей охраной. Страшная была битва. Эх... Ждан, Ждан, пусть тебе будет хорошо в Ирии, куда ты наверняка попал по праву. А Данила выжил.

И теперь, после лады, вёсла однодеревки ему казались всё равно что тростинки. Он вообще очень многому научился за прошлый год: варить на огне съедобную кашу без соли, штопать одежду и собственную шкуру при надобности, плотничать и ещё много чего другого делать. Это не считая основных навыков – строевого боя и умения фехтовать мечом.

Данилу не просто взяли в ватагу, а взялись *обучать* воинскому искусству. И всё благодаря просьбе кузнеца Вакулы, приходившегося близким другом Воиславу. Чем Вакула был

обязан Молодцову – отдельная история.

Умение обращаться с холодным оружием и работа вообще с любым оружием, наука быть воином – вот что являло собой настоящее сокровище. Ради этого Данила был готов терпеть все трудности и неудобства своего нового дома. Жизнь воина меняла что-то важное внутри него, делала его по-настоящему сильнее, лучше. Неизвестно, правда, была ли это в большей степени заслуга самого новоиспечённого обережника, или за это надо было благодарить учителей: варягов Воислава, Клека, Шибриду, южанина Скорохвата, новгородца Будима, Жаворонка и других обережников, с которыми Данила уже бился в одном строю плечом к плечу.

Но не только из-за умения выпустить кишки ближнему своему, несмотря ни на что, Даниле приглянулся новый мир. Было в нём ещё кое-что – вполне явная, осязаемая настоящность... Настоящая природа, настоящее, подлинно важное дело, настоящее оружие, настоящие друзья. И даже настоящие враги – чтоб их! – вызывающие уважение. Каждый из купеческих охранников был готов, в случае надобности, встать горой за Молодцова, и Данила, ни секунды не медля, готов был ответить им тем же.

И кроме этого Данила узнал, что такое настоящие отношения... Нет, мерзкое слово. Пусть будет – настоящая близость. Он оглянулся на свою спутницу, пожелавшую отправиться с ним в далёкое путешествие. Словно почувствовав

его взгляд, Улада оторвалась от вышивки, вопросительно посмотрела на него своими потрясающими карими глазами. Честными, доверчивыми и порочными одновременно. Руки девушки, как всегда, были заняты каким-то рукоделем. Данила ни разу не видел её бездельничающей. Тёмно-русые волосы были заплетены в толстую косу – причёска незамужней девушки, как уже знал Молодцов. Голову украшал замысловатый убор: широкая полоса ткани, щедро расшитая бисером и цветными нитками, украшенная стёклышками и бусами. К этой обвязке и к самим волосам на висках Улада умудрялась прикреплять затейливые кольца из серебра. Большие серьги её тоже были изготовлены отнюдь не из меди. В целом всё смотрелось очень красиво и гармонично. Даниле нравилось.

– Молодец, ритм! Дери тебя за гузно!

Улада тихо хихикнула и уткнулась в шитьё, Данила чертыхнулся и вновь заработал в одном темпе с Клеком.

Об Уладе следовало сказать особо. Познакомилась она с Молодцовым просто – в публичном доме Новгорода.

Тот заметил, что девушка слишком умная и непростая для обычной проститутки, явно способная на большее, чем раздвигать ноги перед боярами и варягами. И имел неосторожность высказать это предположение вслух – и попал точно в цель. И вроде бы сказал – и забыли, но потом закрутились такие обстоятельства, что Данила снова был вынужден встретиться с Уладой и в очередной раз оценить её необычность.

Новгородская куртизанка была непричастна к приключениям Молодцова, но и в самом деле оказалась гетерой – так древние римляне называли шпионку, которых засылали в лагерь к варварам в качестве дорогих подарков. Те там пакостили по-всякому: сведения выведывали, ссоры между вождями устраивали, иногда и самих вождей отправляли в Валхаллу. Только Улада проводила шпионскую деятельность не по приказам из Рима, а в угоду одного ушедшего боярина.

После этой довольно странной истории с Даниилой Улада очень сильно помогла всем обережникам – вовремя отправила весть о том, что один очень жадный и злопамятный нурман идёт по их следу. Молодцову не хотелось бы знать, как она это выведала. Не стал он спрашивать и когда принёс серебро для неё от всей ватаги, в благодарность за помощь. Улада серебро приняла, но попросила взять её с собой на Юг. Данила поговорил с Воиславом, и тот дал согласие.

Молодцов родился и вырос в благополучной семье, ему грех было жаловаться на жизнь. Когда ему было семь, мама развелась со своим первым мужем. И через год, с ребёнком на руках, вышла замуж за другого мужчину, которого Данила и считал своим папой. Она родила ему ещё одного сына, Мишку, любимца всей семьи.

Данила посещал приличную школу, позже поступил в солидный вуз, об армии даже разговора не было. И всё это время он занимался разными боевыми искусствами. Будто ис-

кал что-то стоящее, как и все остальные, впрочем. Один раз, ещё в детстве, ему довелось заниматься у очень крутого сэнсэя. Жаль, дальше с занятиями не срослось, руководитель секции куда-то пропал, как в воду канул – ни слуху ни духу.

Под конец учёбы в универе Данила перевёлся на заочное и стал крутить с друзьями свой бизнес. Бизнес, конечно, громко сказано. Скорее подработки то там, то здесь, плюс сомнительные, как выразился бы отец, махинации. Особо к деньгам и статусу Молодцов не рвался, старался не отягощать себя проблемами и зарабатывал ровно столько, чтобы хватало на любимые развлечения: занятие спортом, общение с девушками и на то, чтобы чувствовать себя в меру свободным.

Примерно в таком ключе Данила искал и спутниц: развлекаться, поговорить, заняться сексом, а дальше – как пойдёт, лишь бы не связывать себя сильно. Понятно, ни о какой семье при таком отношении не могло быть и речи. Молодцов считал, что ему ещё рано.

И вот появилась Улада. Данила не знал, в каком качестве он взял её с собой. Местные традиции не запрещали брать в жёны или наложницы нескольких девушек. Сколько сможешь прокормить – столько и бери. Но вот кем приходилась ему Улада, Молодцов не мог сказать. Невеста, постельная девка, друг? Нужна ли ему умная предприимчивая шлюха из новгородского публичного дома? Да, красивая и рукодельная, в постели хороша, а вот чтобы испытывать что-то... В просьбе взять её с собой никаких нежных чувств не было:

Улада искала перспективу, и она явно открывалась перед ней в более многолюдном и богатом Киеве. Оттуда и в Константинополь, Царьград по-здешнему, попасть можно. В общем, путешествие было ещё одной платой за помощь, оказанную зимой.

К удивлению Молодцова, Улада не только не была в походе обузой, а оказалась очень даже полезной. Она обшивала и обстирывала команду, чистила посуду – словом, занималась всякими хозяйственными делами и полностью взяла на себя руководство Шустриком. Также Улада по собственному почину вызвалась следить за баснословно дорогим товаром – мехами, что везли в лодке. Дорогие шкурки – товар капризный, воды абсолютно не переносивший. Тщательно упакованные свёртки тем не менее следовало периодически перекладывать и осматривать: не попала ли через щель речная вода на драгоценный груз.

Ещё Улада вкусно готовила из припасов на лодке, вовсе не поражавших разнообразием. Нет, братья-варяги тоже за просто могли сварить уху или гуляш, но готовили по-мужски: порезал, побросал в котёл, закипело – уже можно есть.

В итоге от присутствия Улады в лодке были одни плюсы. Но были ещё и остановки.

На второй день плавания караван Путяты нашёл подходящее место для ночёвки. Лодки вытащили на берег, уже изрядно заставленный плавсредствами других купцов, разожгли костры, разбили палатки. Данила, отправляясь ко сну,

робел, как нецелованный перед первым разом с девушкой. Ведь по идее он должен решить и объявить всей команде, кто ему Улада: жена, наложница или никто. Тогда вполне закономерно, что ничего не помешает Уладе предлагать другим обережникам те же услуги, что она предоставляла в новгородском борделе. На глазах у Молодцова.

Они вдвоём устроились в дальнем конце палатки, у самой стенки. Данила реально не знал, что и делать, только приобрёл девушку ласково. А вот его спутница знала. Не успел молодой человек опомниться, как девичьи пальчики развязали пояс, высвободили наружу его мужское достоинство, ласково, но уверенно привели в боевую готовность.

Долго упрашивать Данилу не пришлось, он пару недель не был с женщиной. Улада забралась на него сверху, приподняла подол рубахи, помогла себе рукой и соединилась с ним, не снимая одежды. Не потому, что стеснялась лежавших рядом мужчин (ещё чего, что они там нового бы увидели?), а потому, что холодно. Начало мая всё-таки.

Короткое воздержание сказалось на Даниле. Ощувив на себе жаркую женскую плоть, он вцепился в девичьи бёдра и почти сразу испытал оргазм. Только Уладу это ничуть не смутило, она продолжила на нём двигаться, плавно изгибаясь, стискивая интимными мышцами мужской орган.

Данила вновь ощутил прилив сил, руками задал девушке нужный ритм. Улада сама угадывала нужные движения, нужную скорость, будто знала каждое его желание. Иногда

она подстраивалась под них, иногда шла наперекор. Это заводило ещё больше. Молодцов стиснул зубы от нараставшего удовольствия и вскоре кончил второй раз.

Улада освободила его от своих жарких объятий и как ни в чём не бывало забралась к нему под бочок. Ещё, правда, чмокнула в щёчку.

А Клек выдал шутку, что-то типа: спасибо, что нам воздух нагрели.

Данила слегка прифигел от такой непосредственности, но стараниями Улады его сильно клонило в сон и раздумывать о чём-либо было лень.

На следующий день Клек намекнул, что неплохо было бы, чтобы Улада погрела воздух не только Даниле, но и другим его товарищам. На что Молодцов, удивив себя, довольно резко ответил:

– Это моя женщина.

Всё! На этом разговор был исчерпан. Да, варяги во время плавания и на остановках отпускали шуточки про то, как Данила любит погреться, да про его жадность и неуважение к друзьям. Но не более. Никто не смел тронуть или обидеть Уладу или же напомнить о её предыдущей профессии.

И это Клек с Шибридой, которые в схватке один на один, за три вдоха, могут Даниле устроить ещё одну удивительную телепортацию, правда, уже в мир иной. Но они всё равно уважали Данилу и его честь. Потому что он был один из них – обережник. Потому что он сражался рядом с ними и

проливал кровь. Потому что они понимали, что такое воинское братство. Настоящие друзья – такие дорогого стоят, а скорее, им и вовсе цены нет. Их можно только завоевать, как это сделал Молодцов.

И притом Данила помнил, что они уже помогли ему и Уладе, ведь боярин, который платил девушке за информацию, не захотел упускать такой ценный кадр.

* * *

По раскисшей от дождей дорожке, втиснутой между двумя высокими заборами, ехали трое всадников. Лошадки были маленькие, а ездоки, наоборот, дюжие, высокие, их ступни в отсутствие стремян почти касались раскисшей грязюки, по которой хлюпали копытами животные.

Внезапно путь им преградил вынырнувший из тени человек. По ножнам на бедре любому становилось понятно, что перед ними воин, причём достаточно умелый и богатый. Всадники сразу напряглись.

– Чего надо? – спросил старший, толстяк в промокшей шубе и шапке; заплывшее жиром лицо наполовину скрывала густая борода, круглый живот перетягивал изукрашенный пояс с широким ножом.

– Разговор есть.

Встречный выставил руки открытыми ладонями вперёд – в знак отсутствия злых намерений.

– О чём мне с тобой говорить?! – толстяк открыл рот, видимо, хотел добавить «холоп», но не решился.

А вот его охрана, два бугая с бычьими шеями, жест доброй воли проигнорировали. Подъехали вперёд так, что стиснули с боков лошадку хозяина. У обоих к седлу были принайтены дубины – местное оружие самообороны. Относиться к нему пренебрежительно не стоило: дубинка в умелых руках – страшное оружие, не хуже топора или кистеня.

– Есть нам о чём рядиться, Мирошка Водовик!

– Ты кто таков? Я тебя не знаю.

– Разве? Не признал, что ли? У Добрыни в детинце я тебя видел.

Данила стянул с головы мокрую шапку. Стали видны чуть курчавые соломенные волосы и такого же цвета борода.

– Ааа... Знаю тебя, ты Воислава обережник, что с Путятёй порядился. Ну, чего надо?

Боярин маслено улыбнулся: знал, сука, по какому делу Данила в этот вечер под дождём мокнет и грязь месит.

– Затем. Отдай девку.

– Какую девку?

– Какую холоп твой не отпускает, по твоей указке.

– Мой Якунка мне верно служит и прибыток приносит, и он, как ты правильно сказал, мне холоп, а девка – челядина, так что пусть трудится, пока на лицо красна.

– Ой, брешешь ты, боярин, что пёс шелудивый.

Водовик на оскорбления отвечать не стал, а может, не посчитал это оскорблением, лишь прищурился и добродушно проговорил:

– Ты, видать, Молодец, решил: коль мёду в княжьем детинце пригубил, так, значит, тебе боги благоволят? А уж если меч где-то нашёл, то и вовсе сотником княжьим себя возомнил. Ну ничего, как есть окажу тебе услугу, поучу тебя маленько на будущее. Ребятки, а ну-ка стряхните с него спесь.

Ребятки только стали заворачивать рукава, как позади них дважды хлопнуло. Клек и Шибрида. Чтобы оценить всё их мастерство, нужно было знать, что прятались они на чужих подворьях, которые по обычаю сторожили псы размером с телёнка, а то и вовсе медведи на цепи.

Но ни чуткий нос, ни глаза слуг варягов не заметили, а в нужный момент они лихо перепрыгнули частокол и оказались за спинами охранников Водовика, тут же приставив к их шеям отточенные ножи.

Боярин испуганно оглянулся и снова вздрогнул. Внезапно перед ним оказался Данила с уже обнажённым мечом в вытянутой руке, остриё клинка погрузилось в бороду, едва не коснувшись шеи.

Даниле даже самому понравилось, как он всё исполнил: резкий прыжок, быстрый выпад, всё как учил батька Воислав.

– Давай, боярин, – тихо и учтиво сказал он, – закричи, только закричи, дай повод.

Мирошка Водовик молчал, он был смелым человеком, но ещё и благоразумным.

– Так вот, давай тогда закончим разговор, – продолжил Данила. – Знаешь, боярин, чем твоё оружие смерда отличается от благородного меча?

– Ну и чем?

– А тем, что у тесака тупого одно лезвие, а у меча два, и режут они в обе стороны. Ну, понял?

Боярин молчал.

– Да что с ними болтать? Кровь пустить – и всех делов, – сказал Клек, на этот раз скандинавский акцент в его словах слышался отчётливее. Водовик заметно занервничал: репутация у нурманов, свеев, данов и прочих викингов была очень характерная.

– Он же вроде как человек Добрыни, нехорошо его убивать будет, – ответил Молодцов. – А тебе, бочка пустая, я растолкую. Девка, Улада, могла слухи тайные рассказывать не только о других, про тебя самого, кочета ошипанного, она тоже многое знает. Если слух пустить, скольким важным людям ты дорожку перешёл, тебе и всему роду твоему будет несдобровать. А теперь скажи, боярин, – меч Данилы чуть скользнул вперёд, остриё едва коснулось кадыка, – что мне помешает тебя прямо здесь убить, а голову твою в дар другим купцам отправить, они за неё немало серебра отсыпят?

– Не надо, – с трудом проговорил Водовик – меч мешал открывать рот, – забирайте девку, Морена с ней, только отпустите.

– А за неуважение виру кто платить будет? Ты, что ли? –

Шибрида обратился к охраннику и чуть надавил ножом – алая струйка побежала по шее за шиворот.

– Я отдам. Сколько скажете, отдам.

– Конечно, отдашь, – посулил Клек.

Данила упёр меч в живот охраннику, которого до этого держал Шибрида, а сам варяг быстро сорвал с шеи боярина гривну – обруч из переплетённой серебряной проволоки, – стянул вместе с кошельком и ножнами пояс, не забыл стянуть увесистое кольцо с указательного пальца.

– А теперь пообещай, что не будешь искать мести нам или Уладе. Пообещай так, чтобы я поверил, – сурово произнёс Данила.

– Да пусть приходит, – с напускной бравадой заявил Клек, – один такой к нам приходил. Звали его Гуннар Скряга. Слышал о таком, боярин, слышал?

Варяг ткнул Водовика в бок рукоятью ножа. Тот живо отреагировал.

– Клянусь, Волохом клянусь, чтобы у меня скот и вся челядь перемерла, чтоб весь мой род пожелтел, не буду умышлять против вас никакого зла.

Данила вообще-то был крещёный, но упоминать о своём вероисповедании не стал. Слова о милосердном Христе могли дать язычнику обманчивую надежду, что Молодцов не сдержит своё обещание убить боярина. А Данила этого жирного борова мог прирезать, за Уладу, за эту девку, которую знал от силы пару месяцев, мог запросто.

– Ладно, верю тебе. А теперь езжайте до конца переулка, не оборачиваясь. Обернётесь – стрелу в спину получите.

Братья-варяги опять показали себя с лучшей стороны: протопали по слякоти как по бульвару, почти бесшумно. Данила за ними еле успевал. А весь следующий день у него болела рука – умудрился сухожилие потянуть, когда меч выхватывал, вроде ведь и тренировался уже довольно долго, а всё равно лопухнулся. Так-то, мечи – детям не игрушки.

Улада, когда обережники вели переговоры с боярином, давно со всеми вещичками сидела в однодеревке, которой предстояло отправиться в путь. А с рассветом весь караван купца Путяты снялся со швартовых.

Так и поплыли Данила и Улада вместе, разделяя тяготы и приятные моменты путешествия, поддерживая друг друга, чем могли. Забота о близком, совместный быт, секс... Может, это и есть любовь?

Глава 3

Деловые переговоры

К вечеру подул лёгкий северный ветерок. Шибрида велел поставить парус. Ветра было недостаточно, чтобы однодеревка могла преодолевать упрямое течение Ловати, но он немного облегчил работу. Обережники снизили темп гребли до прогулочного, тем более что они уже приближались к

месту стоянки.

Вдоль берега тянулись огоньки костров. Немногочисленные удобные спуски к воде были забиты лодками, те, кому не хватило места, швартовались прямо за полузатопленные корневища или стволы деревьев. Вереница из одинаковых неказистых однодеревек протянулась вдоль берегов на многие километры, а лодки всё прибывали и прибывали. Если бы Молодцов с друзьями плыл в одиночку, им бы понадобилось очень много времени, чтобы найти место, где можно было бы выбраться на берег. Но индивидуальность тут не поощрялась. Всё решают старшие в роду, в цеху, в воинской дружине. Можно, конечно, и одному пожить, но это чревато последствиями вроде смерти или обращения в рабство.

Ещё до захода солнца обережники добрались до отмели, где остановились полтора десятка судов Путяты, все в целости и сохранности. Среди них было «забронировано» место для однодеревки Шибриды.

Обережники вытащили лодку на берег, Данила помог спуститься Уладе. Дальше каждый знал свои обязанности: Шустрик отправился собирать хворост, Данила и Клек занялись палаткой и разведением костра, Улада – готовкой. Шибрида ушёл к батьке Воиславу: узнать, как дела и нужно ли выставлять дозорных.

Купцы, пусть и не сговариваясь, всегда старались держаться вместе, большим караваном. Гуртом безопаснее – меньше вероятность, что нападут разбойники или какой-нибудь

князь, возжелавший хапнуть лишнего. Владимир свои земли держал в узде крепко, но случиться может всякое, так что лучше быть настороже.

«Настоящий воин всегда внимателен и насторожён, хоть на бабе! – так говорил батька. – Если он нюхом, слухом и сердцем окрест вокруг всё не чувствует, значит, это не вой, а так – мишень, чучело, соломой набитое, по которому лучники учатся стрелять».

Даже в двадцать первом веке, откуда прибыл Молодцов, навыки, о которых говорил Воислав, могли бы оказываться полезными. Если бы вдруг Данила переместился обратно. Сам он пока не хотел возвращаться. В первую очередь он хотел выудить из батьки Воислава все его знания о фехтовании, стать настоящим воином, а потом... О дальнейшем можно будет подумать и позже. Зачем, спрашивается, в двадцать первом веке умение фехтовать мечом? Может быть, потому, что это круто? Может, оттого, что Данила, с каждым днём оттачивая фехтовальное мастерство, чувствовал себя сильнее? Или же это в нём говорила смесь упрямства с любопытством?

Следуя логике, начинать поиск способа возвращения в будущее стоило с той лесной поляны, где Молодцов впервые обнаружил себя. И тут обстоятельства складывались как надо: караван Путяты двигался в нужном направлении – на Юг. Там, в пойме одного из притоков Днепра, находилась та самая полянка, где менее года назад невозможным образом

объявился Молодцов. В тех краях жили очень предприимчивые люди, которые несколько раз перепродавали Данилу в рабы. С ними он был не прочь ещё раз встретиться и поговорить, уже как обережник. Но есть и те, встречи с которыми Молодцов искренне ждал, например, с кузнецом Вакулой.

Способа и причины своего необычного перемещения Данила даже представить не мог, если не учитывать гипотезы, что он в коме или «под веществами» лежит где-нибудь в палате. Но раздумья о том, как же и почему это всё произошло, никоим образом не могли быть полезными здесь и сейчас, в частности помочь развести костёр, поэтому Молодцов их отбрасывал за ненужностью. Данила всегда умел трезво смотреть на вещи и принимать их такими, какие они есть, без лишних рефлексий, и жить, беря в расчёт лишь окружающую обстановку. Он обладал эдакой смесью приспособленчества и пофигизма, мимикрии, если угодно. Но на самом деле Данила просто всегда стремился, чтобы ему было комфортно – и внешне, и внутренне. Поэтому своё невероятное путешествие он принял достаточно спокойно, а удивление и шок спрятал глубоко внутри.

Вот и сегодня вечером Данила хотел, чтобы обошлось без дежурств – тогда останется время немного поработать с мечом. Чтобы закрепить навык, необходимо тренироваться каждый день – это ещё одна мудрость батьки Воислава, которой нужно было следовать, чтобы стать воином. Даже если после целого дня на вёслах руки никакие и в животе пусто.

Данила взял ножны, выданные ему после остановки. С лёгким щелчком вытащил из них на пол-ладони меч. На отполированной поверхности отразилась часть его лица: нос, еле заметные скулы и зелёные глаза с голубой каймой. Это зрелище завораживало. Казалось невероятным, что клинок был сделан человеком, что он своей волей и руками создал такую крепость, соединил саму силу в безукоризненных границах, на которых сейчас видел своё отражение Молодцов.

«А я раньше думал, что мечи – это были простые железяки», – подумал он.

– Что, красен ликом? – насмешливо раздалось сверху.

Данила сидел на бревне перед будущим костром, растопка была уже готова. Около него стоял Шибрида и смотрел как матёрый варяг на сопливого обережника.

– Да уж, покраше тебя, усатый, – отмахнулся Молодцов.

– Ну, если в темноте и со спины смотреть, то да, краше. Про темноту я не зря помянул, ты сегодня в первую череду дежуришь.

– Как скажешь, – вздохнул Данила.

Шибрида ещё раз оглядел поляну, где они остановились, удовлетворённо кивнул и сел рядом с Молодцовым.

– Брат, ты думал, чего это с нами на реке случилось? – спросил Клек, отпил из фляги и бросил её Шибриде.

– Ты про тех свиноголовых? Всякое может быть, – варяг сделал глоток и, в свою очередь, протянул флягу Даниле. – Думаешь, дело нечисто тут?

– Кто знает? У богов спросить надо бы. Для водоворотов сегодня Луна не та была. Чудинские купцы, конечно, криво-рукие, но не настолько же.

– Думаешь, водяной пособил?

– Или навь какая.

Скажи сейчас Молодцов, что это всё чушь и нет никаких навей, он наткнётся как минимум на непонимающий взгляд. Разговор был абсолютно серьёзный, и вся эта нечисть для варягов была ничуть не менее реальна, чем Данила. Да и у него самого, не считая попадания в век десятый из двадцать первого, имелся опыт, заставлявший верить во всякую нечисть, ворожбу и тому подобное. Да только принимать это всерьёз Молодцов так и не научился.

– И всё-таки ты хорошо со всем справился, Шибрида! – от души похвалил кормчего Данила.

– Речка же, пустыки, – отмахнулся варяг, но похвала пришлась ему по сердцу. – Вот когда на «Лебёдушке» поплывём и Вуефаст мне кормило отдаст, вот тогда совсем другое дело будет. Вниз по Днепру не поплывём – полетим! Слышишь, Уладка, повезём тебя как княжну настоящую – на ладье да с богатствами!

– И с охраной из гридней настоящих! – поддакнула девушка, подсаживаясь к Молодцову.

– Ну, лучше твоего Даниила гридня трудно найти, – серьёзно сказал Клек и резко захохотал, вместе с Шибридой. Шутка, по их мнению, вышла удачная. Может, так оно и бы-

ло, но даже если удачную шутку повторять изо дня в день, то она надоест.

– Смейтесь-смейтесь, – ответил Данила, – вот научит меня батька на мечях рубиться, я вас обоих одолею.

Сказал тоже в шутку, конечно. Варяги засмеялись пуще прежнего. Сам Молодцов сомневался, что даже за всю жизнь сможет научиться работать мечом и топором так же умело, как братья-варяги. А вот Улада не смеялась почему-то, только сильнее прижалась к нему, коснулась губами щеки.

Данила оттянул ворот мокрой от пота рубахи (весь взмок, искупаться, что ли?), нащупал пальцами тонкий обруч из серебряной проволоки, обвивавший шею. Гридень или не гридень, но гривну себе выслужил, а ещё достаточно серебра в кошель. Гривна – это такая денежная единица, весом примерно граммов двести, если на современный лад. А ещё – статусная вещь. У Шибриды и Клека тоже есть такие, только малость потолще. Гривна здесь – один из главных атрибутов свободного мужчины, недаром холопам да челядинам всяким вешали на шею кожаный или железный ошейник. Второй атрибут – это оружие, хоть какой-нибудь, пусть криво выкованный, ножичек, но муж должен носить на поясе. У варягов и с этим всё было в полном порядке: кроме здоровенных тесаков, которые язык не поворачивался назвать ножами, но для кинжалов они были слишком грубоваты, имелись ещё секиры и настоящие мечи. У Шибриды так и вовсе два. Он был обучен обоерукому бою, как и батька Воислав.

Шибрида как раз приготовил всё необходимое, чтобы в очередной раз поухаживать за клинками – оружие, как и женщина, ласку любит, – и лишь тогда заметил, что костёр ещё не горит. Действительно, уже почти стемнело, путешественники за разговорами не заметили, как пролетело время, а костёр ещё не разгорелся, ужин не булькает в котле.

Вины Улады тут не было – Шустрик с хворостом ещё не вернулся.

– Где этого холопа носит, – зло бросил Молодцов: если что, идти на его поиски придётся как раз ему, самому младшему в команде.

Идти никуда не пришлось.

– По-мо-ги-те! – отчаянно раздалось в лесу. – Вои добрые, защитите!

Трое обережников тут же оказались на ногах с оружием наголо, да не абы как, а правильным строем: Шибрида посередине, Данила и Клек с боков.

– Уладка, к остальным, – приказал Шибрида.

Девушка без разговоров подчинилась. Умница.

Позади в лагере уже слышался переполох, вызванный криком, но трое обережников первыми ринулись к опушке леса. Факелов не брали: варяги и так отлично видели в темноте. Данила тоже натренировал за последнее время ночное зрение, да и не требовалось от него многого, главное – щит держать крепко, прикрывая себя и Шибриду.

В лесу за дровами ходило много народа, так что шум под-

нялся в нём изрядный, но кричал именно Шустрик, все узнали его голос. Слаженным строем, щит к щиту, трое обережников почти бежали сквозь лес. Рыхлая вязкая почва вместе с листвой липла к обуви, давала неверную опору.

Кто же всё-таки решил на купцов напрыгнуть, да ещё так по-глупому? Или холопу всё показалось?

– Помогите!

Прямо на щиты выскочил ошалевший Шустрик, спружинил от них как мячик, упал на пятую точку, глянул снизу испуганно.

– Не бойся, это мы, – пробасил Шибрида, вложил меч в ножны и поднял холопа одной рукой, как котёнка. – Ты чего кричал?

– Навь... – пискнул Шустрик и совсем сник под взглядом варяга.

– Говори.

– Там, Хорсом клянусь, мы с Беляком валежник собирали, а тут она... Говорит так тонко, протяжно: мол, сюда. Ну, Беляк и пошёл, а я... Я не знаю, как тут оказался.

– Что такое?! – громогласно раздалось позади.

Батька Воислав, в панцире, с двумя мечами. Шлем с «очками» сдвинут на затылок, а синие усы свисают до гладкого подбородка. За ним – уже вся ватага с факелами.

– Да вот, говорит, кромешников слышал, одного холопа даже за собой утащили, – ответил Шибрида.

– Кого конкретно?

– Говори, ну! – варяг поставил холопа на землю.

– Беляка, челядина купца Неленя с людинского конца, они рядом с нами встали.

– Вот оно что. Давай этого зайца, я поспрашиваю.

Лес всё больше наполнялся встревоженными воинами. Воислав, выпросив всё у холопа, велел двоим обережникам кликнуть других купцов, рассказать, что случилось, затем ещё раз зачем-то внимательно посмотрел Шустрику в глаза и велел остальным идти в лагерь.

– А мы искать пропавшего с другими не будем? – спросил Данила.

– А зачем? Он же не нашей сотни, пусть людинцы эту навь ищут, хотя челядин тот наверняка попросту сбежал. Но сегодня ты всё равно в дозоре стоишь в первый черёд.

– Да, понятно, – согласился Молодцов.

Первая смена считалась самой лёгкой.

Данила прогуливался перед опушкой, метрах в десяти от палаток, где спали люди Путяты. На костры не смотрел, глядел в лес, чтобы не слепить глаза и не сбивать ночное зрение. Попутно развивал в себе умение слушать, обонять, распознать всё происходящее не только в лесу, но и в лагере, у речки, всюду. «Слуханье», так это называл Воислав, было как раз тем, о чём говорил он раньше, – умение интуицией, подкоркой, бессознательным воспринимать происходящее вокруг себя и вовремя почувствовать угрозу.

Получалось не особо, может, потому что в лагере торго-

вых гостей было реально очень шумно, а может, Молодцов просто не старался. Но среди купцов действительно царил переполох, в чаще то и дело мелькали огоньки факелов – всё искали пропавшего челядина. Теперь из леса вряд ли кто решит сунуться, но дозорные всё равно нужны. А вдруг в суматохе какой-нибудь ушлый попутчик решит порыться в тюках, что везут люди Путяты. Капиталист капиталисту волк. А купцы, что плывут из Новгорода на юг, самые что ни на есть капиталисты стадии накопления первоначального капитала.

«Только Россия эту стадию не пройдёт и в двадцать первом веке!» – вспомнились Молодцову слова отца.

С десятого века мало что изменилось. Здесь тоже любой встречный купец может прибрать имущество своего коллеги, если сочтёт прибыль достаточно выгодной. Викинг Гуннар Скряга, который осадил заимку охотника Завида зимой, тоже вроде как считался купцом.

Данила вздохнул, не удержался. Одним быстрым движением, с еле слышным звоном, выхватил меч из ножен. Махнул пару раз, повертел меч в руке, полюбовался игрой отблесков огня на узорчатой поверхности клинка.

Меч, *его меч*! Данила разбирался в мечах ровно настолько, чтобы отличить каролингский от романского. В его руке лежал именно романский меч: лёгкий, не больше килограмма, метр в длину, с ярко выраженным остриём, которым можно пронзать кольчугу, и навершием в форме диска. Единственно, рукоять Молодцову казалась коротковатой, но всё равно

она была длиннее, чем у других кликов, например, у мечей того же Шибриды. Длань обоерукого варяга лежала в рукояти как влитая.

«Интересно, как этот меч попал к нему? Сразу же видно – не русская работа», – подумал Данила о том, у кого взял своё новое оружие.

Ведь меч был не куплен, а взят в бою!

Год назад, когда Молодцов побрёл с той самой полянки, где очнулся, на поиски цивилизации, то вышел к ручью, где поцапался с тремя рыболовами. Стычка прошла успешно для него, но у рыболовов имелись друзья, а Данила тогда, как можно догадаться, был полным лохом и в области обычаев, и по части умения замечать следы. Выследили его на счёт раз, оглушили тупой стрелой по башке – это такой нелетальный метод разговора у здешнего населения с чужаками, чтобы, значит, пришлый копыта не откинул и его можно было задорого продать.

Данилу продать задорого не получилось, поскольку он ничего не умел из того, что положено древнерусскому челядину, да ещё, бывало, норов свой показывал. В итоге его перепродали через третьи руки варягам для жертвы на острове Перуна. Варягам надо отдать должное: если то, что слышал Молодцов о викингах, правда, то варяги поступали благородно, не стали умерщвлять полон разными, крайне неприятными, способами, а дали возможность поучаствовать в перуновых играх, то есть биться насмерть перед лицом кумира.

Многие рабы из компании, куда попал Данила, восприняли это с радостью, как достойный способ закончить жизнь. С оружием в руках, к тому же! Авось Перун ещё отметит за храбрость и возьмёт к себе в Ирий.

Молодцова возможность попасть в Ирий не грела никак. Тем более варяги перед боями насмерть устроили своеобразное показательное выступление: пляски полуобнажёнными с оружием. И Данила смог оценить их невероятный, просто запредельный уровень мастерства.

Он сумел драпануть с острова. В реке его чуть не утопила какая-то непонятная нечисть (Молодцова до сих пор передёргивало от этого воспоминания). Выбравшись на берег, Данила встретил детвору, которая привела его к деревне, где заправлял всем отличный староста, дед Житко, настоящий сельскохозяйственный профессор и мастер выращивания хлеба. Он временно приютил чужака, не за просто так, а за определённую услугу в будущем. В деревне Данила встретил Вакулу, кузнеца, который позже и свёл его с Воиславом. По сути, этим двум людям Молодцов был обязан очень многим. Жаль только, полностью рассчитаться с долгами у него уже не выйдет.

Воислав тоже был варягом, но не обычным. Данила искренне удивился, когда увидел у него крест на шее. Его батёк был христианин, причём не формально, как депутаты из времени, откуда пришёл Молодцов, а искренне, сердцем, что последующие события только подтвердили.

Познакомившись поближе с Воиславом, Данила просто не мог ненавидеть этого человека, как и Шибриду с Клеком, да и других варягов тоже. Но вот кланяться или жертвовать себя Перуну – уж извините.

Однако побег Молодцова с острова не прошёл даром. Варяги, которым полагалось убить странного чужака, подошли к делу всерьёз и стали выискивать его след. Данила имел все основания полагать, что ключом к такому избыточному интересу была не банальная месть, а его, Молодцова, необычное происхождение родом из другого Мира. И что характерно, варяги почти добились своей цели. Десяток их присоединился к шайке Гуннара Скряги, которая осадила заимку Завида, куда с торговыми делами прибыл Путята с людьми.

Воислав и тут показал себя мужиком и настоящим воином. Он не выдал Данилу своим братьям-варягам, хотя тот сам готов был сдаться им в руки. Воислав предложил себя на «божий суд» – поединок насмерть во славу Перуна, чтобы выяснить, на чьей стороне действительно находится бог. Варяги отказались, из чего Данила сделал вывод, что им нужно было смыть оскорбление только его кровью. Отчего вступился Воислав за своего человека: из христианского милосердия или потому что братство обережников выше братства варяжского – не суть важно.

Затем была осада, Молодцову она показалась бесконечно долгой и кровавой, он едва сумел выжить. Его вместе с другими уцелевшими обережниками и охотниками спасли грид-

ни посадника Новгородского Добрыни. Но тут один из пленных варягов, тех, что примкнули к викингам, совсем ещё юный, бросил вызов Молодцову, а Данила не утерпел, от злобы или по глупости, он согласился на «божий суд», который состоялся неделю спустя в Новгороде, на большом Волоховом капище. В поединке Молодцов одержал верх. Да, его победе сопутствовали объективные обстоятельства, но это не имело никакого значения. Данила стал победителем и получил в качестве трофея прекрасный меч. Ему бы ещё на доспехи приличные накопить, тогда он и вовсе сможет за княжьего гридня сойти.

Пока Данила размышлял и предавался воспоминаниям, он не переставал работать мечом: крутил, повторял выученные фехтовальные пируэты. Движений в науке владения мечом было не так много, как в общем и в любом настоящем боевом искусстве.

– Тренируешься? – послышался тихий голос.

Клек. Совсем рядом. Тихо подобрался – и не заметил.

– Ага, – не оборачиваясь, ответил Данила.

– Доброе дело. Иди, моя смена.

– Как скажешь.

Молодцов радостный повернулся и... замер на полшаге. словно ледяная иголочка кольнула в затылок, послышался тонкий девичий голосок. В лесу никого из торговых людей уже не было. Откуда тогда звук?

– Ты слышал? – шёпотом спросил он.

– Что? Почудилось что-то?

– Ну, вроде как голос... Вот, опять.

Варяг пристально оглядел лес, приняхался даже.

– Ничего не чую.

– Так прошло уже всё, – смущённо ответил Молодцов.

– Ясно, иди спать.

– А как же...

– Иди, тебе сказано, не схарчить поганой нечисти воина

Перуна, а если беда какая, я вас кликну. Иди.

И Данила выполнил приказ.

Сборы в торговом лагере начались засветло. Весной все спешат-торопятся. Это не зима, когда можно довести ладьи до волока, вытащить на берег и ждать, попивая тёплый мёд или пиво, пока снега насыплет и реки встанут, а после поставить корабли на полозья, запрячь в воловьи упряжки и отвезти куда надо. Или вовсе оставить – законсервировать суда в специальных сухих доках, весь товар перегрузить в сани и ехать налегке.

По весне же вода затапливает реки и болота, превращая земли кругом в непролазную топь. И сами волоки заливаются так, что вода на них стоит по колено, при том, что пить её нельзя. А своей питьевой воды там нигде не достанешь, потому что водораздел в тех местах проходит. Перетащить суда по гатям в такой местности, да ещё так, чтобы товар водой не испортило – адский труд.

Кроме того, все торопятся по высокой воде спустить корабли. Зимой-то некуда торопиться, всё равно никуда не поедешь, пока реки замёрзнут, а вот в мае норовят вперёд на волоках пролезть. Не успеешь до июня – застрянешь на волоках до осени. Промедлишь – весь товар на Юге вперёд тебя продадут, так что ты свой по хорошей цене уже не сбудешь. Вот про такое время и говорят: один день год кормит.

На волоках из-за того, что кто-то попытался пролезть не в свою очередь, нешуточные драки бывают, до смертоубийства доходит. Княжьи люди за порядком следят, но ведь как: путь «из варяг в греки» длинный, а память у купцов хорошая.

У Данилы утро проходило в обычном ритме. Пока Шибрида и Клек оттачивали фехтовальное мастерство, он таскал связки мехов к лодке, где их бережно упаковывали Улада и Шустрик. Девушка по обыкновению проснулась чуть раньше и успела разогреть воинам еду, но варяги к пище не притронулись – на пустой живот лучше тренируется. Данила тоже последовал их примеру.

Покончив с делами, каждый со своими, перед отплытием наконец сели завтракать. Обережники отдельно, женщины отдельно, холопы, само собой, тоже в стороне. За этим занятием их и застал Скорохват, возможно, самый необычный обережник Воислава. Он не был варягом или скандинавом, а происходил из племени полян. Его ещё иногда называли Южанином. Первыми своими богами он признавал не Перу-

на, а Волоха и Сварога, но по этому поводу никаких дискуссий среди обережников не проводилось. Бороду не брил, но и не отращивал, русые волосы заплетал в две длинные косы, которые чаще укладывал на голове и накрывал сверху войлочной шапочкой. Своеобразная амортизация под шлем. Лицом Скорохват был чистый словенин, среднего роста, и тоже обучен обоерукому бою. В иерархии ватаги обережников он твёрдо занимал третье или четвёртое место после Воислава и Вуефаства.

– Ну что, славно вы вчера повеселились, когда едва не опрокинулись? – спросил он с улыбкой, подсаживаясь к костру.

– Ну, не всё же попусту веслом воду бить, – ответил Шибрида, выловив из котла кусок пойманного вчера осетра.

– Значит, все живы и товар не попортили? – подытожил Скорохват.

– А то, – ухмыльнулся варяг. – Нашёл тоже Иммирову вотчину. Чтобы в речке какой-то сын севера утонул? Не бывать такому.

– Но жертвы не мешало бы принести, водяной тут явно балует, или ещё кто, – высказался Клек.

– А вот над этим подумаем. Сотенные с этим решают, а то молва пошла по каравану о нежити всякой. Путята вас зовёт.

– На кой? – спросил Шибрида, враз утратив благодушное расслабленное состояние, словно режим переключил.

– На собрание сотни будете его сопровождать.

– А о чём думать будут? – уточнил Клек.

– Вроде как неподалёку есть ведун, и если ему заплатить положенное, то он берётся всю навь от каравана отвести.

– Вот как, ведун, – ещё более задумчиво проговорил Шибрида. – Ну пошли, поглядим.

– Кого, ведуна? – робко спросил Молодцов.

С ведунами, колдунами и прочими магами после истории с варягами у него не было никакого желания связываться. Ещё почуют в нём что-то... нездешнее.

– Зачем? На совет пойдём.

– А значит, того колдуна там не будет?

Шибрида глянул на Данилу как на придурка, но потом вспомнил, что его друг из далёких мест и о жизни порой ничего не знает, прямо как дитё малое. Терпеливо пояснил:

– Кто же ведуна на совет позовёт. Он зачаровать может или морок какой навести. Думай головой, Даниил.

Молодцов смущённо посмотрел под ноги.

– А что, Скорохват, как думаешь: и впрямь рядом навь шагает? – поинтересовался Клек.

Южанин пожал плечами.

– Ты же вчера сам всё видел.

– Ну мало ли что смерду могло привидеться.

– Это ты прав, но вообще... К усвятским болотам подплываем, а места эти необычные, о них разное говорят. Из этих лесов три великие реки вытекают, так что я тут тебе не со-

ветчик.

– Понятно, значит, сотенные приговорят платить этому ведуну, – заключил варяг.

– Скорее всего. Лишь бы не из нашего кармана, так ведь? Вот это утверждение обережники одобрили дружно.

Собрание сотни было важным и солидным мероприятием, именно поэтому Путяте понадобились аж трое сопровождающих. Пропустить его никак нельзя – всё равно что не явиться на собрание акционеров. Путята Жирославович хоть и был купцом самостоятельным и богатым, но, как и положено, состоял в купеческой сотне Новгорода. Это что-то вроде холдинга или корпорации, если говорить терминами двадцать первого века. Своей сотне Путята отчислял положенный процент с прибыли, за это ему было место в любом новгородском подворье, где бы оно ни находилось, и стол в самом Новгороде, а также поддержка: финансовая, юридическая, ну и, если понадобится, силовая. От купца требовали примерно того же: честно платить установленный налог, в случае необходимости оказывать дополнительную помощь деньгами или (например, чтобы отстоять интересы родной сотни) выставить бойцов на вече. Кстати, у Путяты с Воиславом насчёт участия его обережников в вече был отдельный договор, и оплачивался он тоже по отдельному тарифу, почти как отражение нападения татей, то есть реальная боевая стычка. А всё потому, что разрешение конфликтов хозяй-

ствующих субъектов, опять-таки говоря современным языком, в Новгороде проходило очень бурно, пусть и без холодного оружия. Данила всё это испытал на собственной шкуре прошлой зимой.

Сотня Путяты держала свой двор в Словенском конце, поэтому и называлась словенской. Если два других конца – Неревский и Людинский – вздумают ущемить интересы словенцев, то купцы обязаны выставить бойцов от себя на вече, вместе с другими улицами. Но бывают разборки не только между концами, но и внутри них. Улицы режутся между собой, выбирая старшину конца. Сотни – плотницкие и гончарные – идут друг на друга с кулаками.

В общем, богат Новгород, шумен и многолюден. Умный и сильный парень не останется там без гроша в кармане. Но Даниле, положи руку на сердце, милее вот так плыть по реке, пусть и рискуя нарваться на разбойников, чем махать кулаками среди буйного новгородского люда.

Разумеется, раз сотенный совет имел такое статусное событие, каждый купец демонстрировал свою важность и богатство. Крутые охранники с дорогим оружием тоже наглядно показывали возможности купца. Но главным мерилем крутости была всё-таки одежда и драгоценности. Фасон тут не имел никакого значения, главное, чем тяжелее золотая печатка на пальце или, пуще того, браслет, тем лучше. То же самое касалось и тканей: если на тебе имеется хоть какой-ни-

будь предмет из шёлка или дорогого меха, то абсолютно не имеет значения, подходит ли он по цветовой гамме к другим вещам, потому что шёлк и меха – это мягкое золото, без преувеличения.

Путята не был исключением, он явился на совет в расшитом алом кафтане, синих льняных штанах отменного качества и высоких сапогах. На шее, кроме серебряной гривны, у него висела золотая цепь с прикреплёнными к ней языческими оберегами, а на дорогом поясе обязательное украшение мужчины – оружие.

Увы, даже неопытному глазу было легко определить, что и кафтан на Путяте великоват, и пояс затянут необычно туго. Это не от того, что купец позарился на одежду с чужого плеча, а из-за раны, полученной во время всё той же памятной осады. Тогда Данила на своей шкуре ощутил, что значит стоять до конца. Сейчас он со сдержанной радостью отмечал, как в его работодателе всё больше проступает тот бойкий пегобородый толстячок, что встретился ему почти год назад. Воислав тогда представил Данилу как своего нового обережника, на испытательном сроке, то есть с малой долей оплаты. Путята без вопросов заключил договор с новым охранником, каждый из них поклялся своими богами, что не будет его нарушать. Купец в то время был бодр, толст, весел и держал в кулаке без малого несколько десятков человек своего торгового каравана. Его предприимчивость и энергия была через край, загадочным образом превращаясь в серебро и

иную прибыль для всего торгового предприятия.

После начала нового путешествия бойкая натура всё больше проступала в раненом купце, видимо, для него любимое дело являлось лучшим лекарством.

Сопровождал Путятю, кроме троих обережников, сам лидер обережной ватаги – Воислав Игоревич. Данила с самого начала плавания почти не видел своего батьку и даже отвык немного от ощущений мощи и крепости, исходивших от него. Голубые глаза, строгое лицо с уверенными прямыми чертами, в его выражении кроме силы чувствовалась ещё и зрелая мудрость. Гладковыбритый мужественный подбородок, усы, не такие длинные, как у Клека, но выкрашенные синим – признак уважения среди варягов.

Бархатная одежда скрывала идеальную мускулатуру, но подчёркивала отличную осанку. В довершение всего – широченный пояс с серебряной и золотой канителью, с притороченными мечами, которые смотрелись на фоне тесаков и ножей у других купцов как настоящий «макаров» рядом с пневматической игрушкой.

На взгляд Данилы, Воислав выглядел харизматичнее всех на совете и производил впечатление под стать князю или какому-нибудь знатному боярину, что только играло на руку Путяте. Ну и Даниле – это же у него такой крутой батька.

В суть самого вопроса Молодцов так и не вник, потому что разговор купцы вели опять же на своём языке, а Данила до сих пор во всех этих кунах, резанах и ногатах слабо раз-

бирался. Нет, торговаться он умел и знал, сколько в куне и в одной гривне резанов и так далее, но только вес этих самых резанов был в Смоленске и, допустим, в Новгороде разный. Кроме того, металл мог быть разного качества, а ещё в обороте были другие «деньги» – кожаные куны и стеклянные бусы. Так что если начать пересчитывать кожаные куны в гривны серебра нужной чистоты, то можно промучатся очень долго.

Проблема состояла вот в чём: случилась с каким-то мужичком неприятность, пропал он ночью в лесу, а утром его не нашли и поняли, что с ним сделали что-то нехорошее. Причём сделала это конкретно навь или нечисть – зомби, одним словом. Как это определили, Данила так и не въехал. Поблизости же объявился некий ведун, который брался эту нечисть извести, само собой, не бесплатно.

Вот весь спор купцы и вели вокруг того, кому и сколько платить за услугу. Даже не столько, какую сумму, а какими деньгами. Поскольку ведун торговаться наотрез отказался, выставил свою цену – вроде по две ногаты с каждого человека в сотне. Обмануть ведуна и подсунуть ему «разбавленное» серебро купцы побаивались, но жадность брала своё, поэтому торговые люди выгадывали, как бы так насчитать резанов, кожаных кун, мехов и стеклянных бус, чтобы нужная сумма набралась, но всё равно сэкономить.

Обсчитав всё и распределив по сотне, кому и сколько платить, купцы совет прекратили.

Данила, облегчённо вздохнув, решил, что на этом официальные мероприятия закончились, но, как оказалось, нет – Воислав объявил общий сбор ватаги. Явились по зову батьки все десять человек. Опытные обережники и лучшие воины дружины: Вуефаст, Скорохват, Шибрида и Клек. Четверо «отроков», переживших осаду заимки: Молодцов, Ломята, Жаворонок, Будим, – они считались полноправными членами ватаги, имели полную долю и право голоса на таких вот советах. Ещё двое были наняты в Новгороде для пополнения численности: Уж и Мал. Эта пара находилась на своеобразном испытательном сроке, но на совет их всё равно позвали, чтобы были в курсе решения батьки.

– Сотенные старшины приговорили заплатить ведуну за то, чтобы дальше наш караван навь не беспокоила, – начал Воислав. – Колдун приговорил платить с каждого человека, в том числе с нас. Будто мы – дети неразумные, сами за себя постоять не сможем. Путята сказал, что вычтет это из доли оплаты каждого обережника. Я отказался, – батька взял паузу, оглядел своих воинов. – Кто хочет, может сам отдать серебро Жирославичу, чтобы он с колдуном рассчитался. Принуждать и раскрывать, кто это был, не стану. Но и делать так, чтобы с нас деньги брали на защиту, когда мы сами должны защищать караван от врагов, – не позволю. Я всё сказал.

Обережники застыли в молчании. Затем Ломята, самый старший по возрасту среди «отроков», ему уже перевалило

за тридцать, спросил:

– А ты сам-то будешь платить, батька?

Воислав помедлил с ответом, потом чётко сказал:

– Нет, мне защита не нужна, мой Бог меня защитит от всякой нечисти без помощи всяких колдунов.

– Вот это верно, – поддержал Шибрида, – наш бог Перун – бог воинский. Не пристало варягам платить смердам, чтобы от опасности уберечься.

– Так ли я понял, что ты, Воислав, нас от колдовства и чародейства сможешь защитить? – робко спросил Ломята, он выражал мнение неваряжской и нехристианской части ватаги.

– Ломята, да ты, как я посмотрю... – начал Клек.

– Помолчи, – обронил Воислав, и варяг умолк. – Я не смыслю в колдовстве, но знаю, что надо уповать на... богов, в которых веришь, тогда они тебе помогут. А всякое колдовство, ведовство – гнилое дело. Но если встанет перед нами какая опасность, я буду сражаться вместе с вами, как могу. Это моё слово.

– Ха... Да спорим на гривну, что этот ведун всё и устроил.

Молодцов хотел разрядить обстановку, но получилось скорее наоборот. Взгляды всех обережников сосредоточились на нём.

– Ну, сами посудите: пропал холоп, и на следующий день объявляется ведун и обещает защитить. Это случайно так получилось?

– Погоди-ка, Даниил, – вспомнил Клек, – тебе же самому вчера почудилось, будто голос какой к тебе из леса обращался.

– Ну да, слышал я что-то. Ну так, может, этот морок сам ведун и навёл. Навь-то никто не видел, как и холопа пропавшего.

– На такое пойти – против всех богов и Обычая выступить, – после минуты молчания сказал Будим. – Нет, вряд ли ведун мог всё так обернуть.

Он сам был родом из Новгорода и хорошо знал здешние обычаи и традиции. Его небольшой вздёрнутый нос был несколько раз сломан, но лицо выглядело по-прежнему молодым. Обережнику едва перевалило за двадцать.

– А ты, Скорохват? Скажи, что ты думаешь по этому поводу?

Новгородец обратился к Южанину, как к человеку далёкому от Севера, который мог на всё посмотреть со стороны. Тот почесал жёлтую бороду и изрёк:

– Думается мне, мы все забыли, что наш батька сказал. А он сказал: кто хочет, тот пусть платит ведуну, пусть даже тайно, кто не хочет – пусть не платит. О чём тут разговор?

– Вот это верно, братья! – сказал Шибрида. – А то я уж подумал, что и впрямь на нас ведун уже какие чары навёл: из-за нескольких резанов бучу устраиваем. Батька наш мудр и честен, он, как всегда, по Правде поступил!

– Точно, а я уж и сам на слова лишние не поскупился.

Если кого задел, извиняйте, други, не подумал, – добавил Клек, приложив кулак к груди.

Напряжение, царившее над поляной, само собой рассеялось. Все заулыбались.

– Ну, раз решено, тогда к котлу, други, – несколько необычным тоном, полуприказным-полудружеским, сказал Воислав, – посёрбаем и обговорим, как дальше путь держать будем через волоки и к Днепру.

Данила решил, что теперь-то со всеми этими переговорами покончено, и с удовольствием накинул на горячую похлёбку. Но и в этот раз он ошибся.

Когда обед уже закончился и все выслушали наставления от батьки (кто в какой черёд будет идти на одnodеревках, кто первым, кто замыкающим, кому куда бежать в случае нападения и прочие важные походные мелочи), пришли представители от сотенной старшины.

Общий выход сотенных кораблей по случаю сделки с ведуном отложили на полдень, так что торопиться было некуда. Шибрида, увидев, что к ним направляется целая делегация, с разрешения батьки послал Данилу вперёд, выяснить, с чего вдруг к ним гости пожаловали.

– Батьку своего позови, – надменно бросил купчик в жёлтом кафтане, в полтора раза шире и на голову выше Данилы.

– Зачем?

– Какая тебе разница. Сказано позови.

Молодцов нехорошо улыбнулся, но подавил гнев, оценил

ситуацию: с купцом пришли двое охранников – страхолюдные громилы, но не с мечами или топорами, а с простыми дубинами на поясе. Похоже, обычные кулачники новгородские. А вот позади них тёрлась необычная компания: баба в дерюге с разукрашенной рожей, вихрастый пацан забитого вида и низенький бородатый мужик... или дед. Взгляд на него поднимать почему-то не хотелось. Единственное, что заметил Данила: правый рукав у него был заметно длиннее и полностью скрывал кисть.

Тем не менее Молодцов дерзко бросил:

– Я к тебе на службу не нанимался, так что не приказывай. Если есть что сказать, скажи мне, а я уж решу, стоит ли батьку моего беспокоить или нет.

Купец зыркнул на него, грозно засопел, однако снизошёл до пояснения:

– Вы деньги положенные не уплатили.

Данила, ни слова не сказав, повернулся и передал вести Воиславу. Тогда тот сам вышел навстречу гостям. На этот раз в простой рубахе с расстёгнутым воротом, в разрезе которого виднелась тонкая золотая гривна и нательный крестик.

– О каких деньгах ты говоришь? – напрямую спросил вараг.

– О моих, – за спиной купчика раздался противный скрипучий голос.

Купец постарался побыстрее отойти, чтобы не загораживать говорившего.

А в это время, как-то незаметно, за Воиславом подтянулась вся его ватага, все десять человек.

Обладателем голоса оказался тот самый невысокий бородач с длинным рукавом, возраст его Данила так и не смог определить.

В ответ на его реплику Воислав только усмехнулся:

– Пока деньги в моём кошельке, они мои и ничьи другие. Или ты хочешь их отнять? – вкрадчиво поинтересовался вараг.

Ведун не испугался, потерял бороду левой рукой, не той, что была скрыта рукавом:

– Не то ты говоришь, вой. Договор был со всей сотней, что каждый человек уплатить положенное должен.

– Я не купец и не сотенный. Я обережник – и платить не буду. Мне самому платят, чтобы я защищал.

– Ой, воин славный, я же не просто так деньги беру, а тоже за защиту. О своей дружине хоть подумай, раз своей головой не дорожишь.

– Мне твоя защита не нужна. Если кто-то из моих людей захочет, он может сам к тебе прийти и заплатить за помощь, – тут Воислав покосился на воинов, стоявших за его спиной. – Кто хочет и когда захочет, – повторил он. – Но ты не смеешь требовать с меня деньги. А если ещё раз, смерд, ты вздумаешь мне угрожать, то я снесу твою вшивую башку.

Ведун ничего не ответил, лишь пошамкал губами и уставился на Воислава.

– Ну, давай, рискни, – вдруг сказал батька обережников, напрягся и чуть подвинулся вперёд.

– Я могу уплатить положенное, – вдруг вмешался купчик.

– Постой, – вскинул руку ведун и перевёл взгляд на Данилу.

Смотрел долго, без угрозы, скорее с любопытством и... с жадностью, что ли. Данила не знал, что и делать, а потом не выдержал и рассмеялся:

– Чего уставился, ведун, узоры на мне, видать, рассмотрел?

– Может, и рассмотрел, – неожиданно согласился тот и сказал купчику: – Пошли, что ли. Что ты там о деньгах говорил?

На этом ведун повернулся и ушёл, вся пристяжь за ним.

– У, наглая морда, – кинул ему вслед Клек и презрительно сплюнул.

А Воислав и вовсе не стал выражать своего отношения к колдуну, спокойно вернулся к костру, за ним последовала вся ватага, расселась по местам, но напряжение снова вернулось. Смешно: воины боялись одного скрюченного старика. Батька как ни в чём не бывало продолжил свои наставления о том, чего следует ожидать в будущем походе, как себя вести в плавании и на волоках. И неожиданно закончил:

– Повторю, если кто-то считает, что ему нужна помощь от того ведуна, пусть платит. Признаваться в этом сейчас не обязательно, кто захочет, тот пусть и платит, когда захочет.

Зла я на него таить не буду.

– С ворожкой меч не справится, – подал голос Ломята.

– Тю, кто тебе это сказал? – хлопнул собрата по плечу Шибрида. – Спорим, если переполовиню этого смерда, ничего он мне не сделает?

– Не в этом дело, – сказал Скорохват и внимательно посмотрел на батьку.

Воислав кивнул: мол, говори открыто.

– Ты унизил его. При всех пошёл против его воли. Если ты не заплатил, другие тоже могут не платить. Я эту породу знаю. Теперь он будет думать, как тебе отомстить.

– Да, так и будет, – уронил Вуефаст кратко, но веско.

Он был очень похож на Воислава и внешне, и по характеру, скорее всего, они приходились друг другу родственниками. Но старый варяг выглядел лет на пятнадцать старше, был выше ростом и заметно сухоощавее. Усы и волосы совсем поседели, щёки впали, обветренную кожу лица покрывали морщины и старые шрамы. Только серо-голубые глаза смотрели ясно, остро, поблёскивали, словно жала начищенных копий.

– Ещё чего! Этому смерду платить за то, что он в чарку плюнет. Наш бог Перун!!! – громко выкрикнул Шибрида.

– Тогда, может, его сразу... того? – предложил Молодцов.

И во второй раз за день на него устремили взгляд все обе-режники. Данила и сам себе удивился: как он легко предложил убить человека, да ещё старика. С другой стороны, Ско-

рохват ясно сказал, что ведун будет им мстить. По виду того колдуна любому понятно – хорошего от него не жди. Молодцову становилось не по себе, когда он вспоминал его взгляд. Так чего же ещё ждать?

– И как ты его собираешься убить? – ехидно поинтересовался Клек.

– Подберусь ночью да горло и перережу, – опять Данилу передёрнуло от мысли, что он будет резать горло старику, но и выставять себя трусом не хотелось. – Кто-то сам недавно грозился, что этого ведуна переполовинит.

– Ну и дерзай. Кто тебя держит?

– К настоящему ведуну подобраться трудно, – протянул в никуда Вуефаст.

– Это если он ворожбе и впрямь обучен, а тот, может, и не умеет ничего, – осклабился Шибрида.

– Не, этот ведун точно может, – сказал Будим, которому все берега по Ловати были родными. – Я его видел у нас на Большом капище, за Волховом, сам жрец велесов с ним уважительно разговаривал.

– Тогда точно под нож, – буркнул Данила, глядя себе под ноги.

– Лучше подождём, пока он караван от нави освободит, по договору, – резонно предложил Скорохват.

– Годная мысль, – сказал Воислав. – И ещё вот что, други, с этого дня дежурить вокруг лагеря будете по трое. И так будет, пока мы в Днепр не попадём. Всё, о чём мы говорили,

в силе. Ну а теперь задерживаться не будем. Всем спать, и так мы припозднились.

– Думаешь, зря я не заплатил тому колдуну? – спросил Воислав, любуясь игрой языков пламени на отполированном клинке засапожного ножа.

– Ты батька, – спокойно сказал Вуефаст.

Они сидели у костра вдвоём.

– Что чутьё твоё говорит, старый, встретим мы ещё этого ведуна?

– Может, встретим, а может, и нет. Заметил, как он на Молодца смотрел?

– Да. Думаешь, неспроста?

– Твой брат христианин сам по себе непрост.

– Да, но зла он нам не принёс и сражался крепко.

– Тоже верно, – старый варяг покряхтел, вытягивая ногу, – пользы он нам много принёс, но и беды за ним пришло немало.

– Намекаешь, его к себе в лодку взять для защиты или приманкой на ведуна?

– Как бы живец за собой ловца не утянул.

Воислав недолго подумал под треск сучьев.

– Судьба Молодца – это его судьба. Оберегать пуще прежнего я его не буду. Если найдёт неприятности, пусть сам и выпутывается.

Старый варяг улыбнулся себе в усы. Он не верил, что пле-

мянник бросит своего человека, чтобы с ним ни случилось.

– Ну что вы там решили, про ведуна-то? – спросила Улада после близости, наклонившись к самому уху Данилы.

Молодцов прикрыл глаза, он представил, как девушка выведывала тайны раньше. Там, в Новгороде. Шепнула на ухо – нет, не ангельским голосом, а женственным, чуть хриплым, полным жаркой страсти и желания. На такой вопрос, казалось, невозможно не ответить, но Данила был крепок волей и не так прост, как предыдущие кавалеры Улады.

Он только повернул голову и поцеловал аккуратный носик.

– А что ты спрашиваешь?

– Боюсь. За тебя боюсь, за вас всех. Как бы ведун вам чего не сделал.

– Да что он может...

– Хватит, Даниил, он силен и опасен, это сразу видно.

– Откуда, неужели ты разбираешься в колдовстве?

– Мужчинам в женские тайны нечего лезть, – отмахнулась Улада, – а напакостить тот старикан в силах.

– Любой гадость сделать может. Высыпать травку какую-нибудь в котёл, так что потом живот схватит, а потом все рассказывают: мол, колдовство, на человека порчу навели. И вообще, для человека существует только то, во что он верит.

Улада внимательно посмотрела на него. Данила даже в

темноте мог разглядеть черты её лица.

– Не по-нашенскому ты думаешь, Даниил, – изрекла она.

– Что есть, то есть, – признался Молодцов и сгрёб девушку в охапку.

Он забыл про наставление Воислава, что хороший воин должен всегда быть начеку, и не заметил, что в палатке не спали не только они.

Глава 4

Трудности судоходства, продолжение...

Лишние дозорные были не единственной предосторожностью Воислава. Теперь всю еду обережники готовили только сами и брали её из своих запасов. Если возникнет надобность докупить припасов, то брать их следовало у разных продавцов, каждый раз новых. За других караванщиков Воислав был спокоен, поскольку считал, что ведун затаил злобу только на охранников, а с торговцами у него договор. Рядовые караванщики сами скорее могли оказать услугу колдуну, подсыпать какую-нибудь гадость в котёл, к примеру, поэтому чужих к еде и припасам батяка велел вовсе не подпускать.

Осторожничать следовало, пока караван не пройдёт через Усвятские болота и не выйдет в Днепр.

Что же касается нави, зомби и прочей нечисти, что бы там ни случилось, но ведун выполнил условия договора – больше никто из купеческих людей не пропал.

Однодеревки Путяты на следующий день добрались до ис-

токов Ловати – и встали. Обмелевшая река была начисто забита лодками. Ещё сутки словенским купцам пришлось ночевать в воде, пристать к берегу уже не было возможности – кругом простиралась топь.

На третьи сутки после собрания сотни караван наконец добрался до волоков. С помощью приспособлений, похожих на колодезные журавли, гружёные однодеревки вытаскивали на гать – узкую дорожку на болоте, выложенную из сосновых брёвен, которая практически полностью была скрыта под водой.

Дальше лодки тянули через волок с помощью лебёдок, похожих на виденные Молодцовым в современности колодезные катки, которыми вёдра из колодцев таскают.

Здесь такие приспособления назывались вороты и давали они нехилую экономию сил и времени. Когда Данила услышал это название, его как по лбу ударило: ворот, воротила, наворотить – так вот откуда эти слова пошли! Разновидностей воротов было действительно огромное количество. Молодцову встречались даже такие, что состояли из нескольких зубчатых колёс, работавших по принципу разного усилия, передававшегося между колёсами разного диаметра. По идее, простой способ, а ты пойди догадайся, да рассчитай всё и сделай, без калькулятора, на пальцах.

Такими штуковинами реально можно было вытащить настоящую боевую ладью из реки. На глазах у Данилы это и проделали. Правда, ладья была меньше «Лебёдушки», но

гребных мест имела больше. И всё равно это был адский труд. Правильно Путята решил оставить свой главный торговый корабль по ту сторону волоков.

Жаль только, сидеть в однодеревке и посвистывать, пока её перетащат через волок, нельзя было. Чтобы лодка не съехала с гати, не перевернулась и не ушла в топь, приходилось прыгивать в далеко не тёплую воду, которая доставала до щиколоток, а порой поднималась и до голени, и страховать судно с бортов. А иногда и толкать по скользкой гати.

Отдельным «удовольствием» было то, что на лебёдках нельзя было сразу перетащить лодку через волок. Их было установлено несколько штук на всём маршруте. И когда однодеревку дотягивали до лебёдки, приходилось ждать, пока перекинут и закрепят канаты от следующей. Чтоб лодка не скатилась под уклон, использовали исконно народный ручной тормоз – длинный дрын, который втыкался между брёвен гати за кормой лодки.

Всего на волоке функционировало несколько таких «лебёдочных» дорожек, разной длины и маршрута, иначе все однодеревки до конца лета не прошли бы по волоку.

А всего, насколько знал Данила, таких волоков на Руси было около десятка, это не считая порогов, где корабли тоже надо было перетаскивать по суше.

«Волочения» начали с утра, поздно вечером однодеревку опустили в стоячее озерцо, где и пришлось ночевать, прямо в лодках. Рано утром всё началось сначала: «журавлями» од-

нодеревку вытащили из воды, воротами протянули по суше и опустили в следующее озеро. Дальше своим ходом до берега и всё повторилось: «журавли», ворота, озеро, и ещё раз. Вечером лодка оказалась в очередном озере, но уже *проточном*. И речушка, вытекавшая из него, текла теперь не на север, а на юг. Очень важный этап на пути «из варяг в греки» был преодолён. Вдвойне приятно было то, что, пусть и короткий отрезок, плыть придётся *по течению*, не умахиваясь не вёслах. Кайф!

Данила, уставший и промокший, привстал на корме, приложил ладонь козырьком и посмотрел назад. Там в лучах заходящего солнца он увидел те самые «журавли», которые прямо сейчас вытаскивали однодеревки из *Ловати*. А ведь ему казалось, что путь они прошли длиннющий до жути. На самом деле их лодки два дня преодолевали волок длиной максимум в десять километров. Ну что ж, хорошо, что теперь можно немного отдохнуть, ведь впереди Двина, там опять вверх по течению, а за ней снова волоки.

Речка, по которой неспешно плыл караван Путяты, называлась Усвяча, и протекала она через три небольших озерца. Данила, пользуясь моментом, что грести не надо, сидел на скамье и смотрел на неспешно проплывавшие мимо берега, поросшие диким лесом. За сутки, что плыли по Усвяче, Даниле на глаза попало одно поселение, правда, уже ближе к устью.

Лафа кончилась – Усвяча вынесла десятки однодеревков в

Двину, снова пришлось налечь на вёсла. Хорошо хоть ветерок дул в нужном направлении: вниз по течению, к стольному граду Полоцку, где держал ставку наместник князя Владимира Святославича.

Про взятие Полоцка Владимиром и его друзьями, нурманами-разбойниками, Данила уже наслушался немало: и саг, и былин, и хвалебных драп, и просто рассказов за кружкой пива в весёлой компании. Причём обязательно рассказчик находился в центре событий: штурмовал главные ворота города, бился щит в щит с князем Роговолтом и его сыновьями на рыночной площади, его на шесте забрасывали прямым на стену Полоцка со стороны пристани.

Последнее Данила посчитал чистым вымыслом, но Шибрида подтвердил, что так на самом деле и было: трое викингов с разбегу втыкают длинный шест, а четвёртый, держась за другой конец, взмывает прямо на стену. Шибриде можно было верить, он всегда разделял, когда травил байки и хвастался, а когда говорил серьёзно. Тем более, как понял Молодцов, у него под Полоцком сражались родичи, причём родичи были с обеих сторон, но подробнее тему варяг никогда не развивал.

А уж как во всех рассказах хвалили Владимира: и как напал ловко, и хитрый ход придумал, и отомстил, и викингам укорот дал – город разграбить не позволил.

Про князя полоцкого Роговолта, которого Владимир победил, тоже ничего худого не рассказывали, наоборот, очень

уважительно отзывались. А что проиграл – так то боги решили. Раз Владимир победил, значит, он им и больше люб был.

Чаще ругали Рогнеду, дочь Роговолта: мол, из-за неё вся война и началась. Владимир сватался к ней, а Рогнеда ему отказала в очень грубой форме. Уже много после незаконный сын Святослава собрал войско и захватил Полоцк, а саму Рогнеду взял в жёны, правда, перед этим изнасиловал на глазах отца и братьев, после чего последних приказал убить.

Рогнеда тем не менее стала одной из многих законных жён Владимира, родила ему сыновей. Сейчас вроде как живёт в Полоцке, вместе с бывшими дружинниками отца, принявшими присягу киевскому князю. Приняли они присягу не сразу, долго партизанили в окрестных болотах, но потом решение почему-то изменили. А для своих сыновей Владимир сейчас строил новый город. В общем, запутаны были дела в доме князей полоцких.

Но с точки зрения общественного мнения, Владимир был абсолютно прав: и честь поруганную восстановил, и богатства Роговолта только приумножил. Один род поглотил другой, и в этом предприятии женщины были лишь переходящим призом, наряду с другим имуществом. Женщинам, конечно, в такой ситуации не позавидуешь, но лично Даниле было не жаль Рогнеду. И вовсе не потому, что якобы из-за неё началась война. Во время осады наверняка можно было решить все вопросы. Молодцов читал: бывали случаи, что,

когда враг врывался в город, русские княжны с башен вниз бросались, вместе с детьми на руках.

Рогнеда же себя не убила, хотя, конечно, знала, что её ждёт, но легла под победителя. Значит, сделала выбор, значит, быть княжной, пусть и рядом с убийцей её отца, ей было милее. Может, хотела княжеский стол для детей сохранить, может, отомстить думала потом.

Данила её и не осуждал. Кто он такой, чтобы судить? Тем более женщину. Его мама как-то на полном серьёзе заявила, что женский патриотизм – это идиотизм, женщины должны детей растить и о домашнем очаге заботиться. И мама растила: Виталия, старшего брата, сводного Даниле, его самого и младшего братика Мишку.

Уж свою мать Молодцов ни в чём не стал бы укорять. И Уладу тоже. Если бы с ним что-нибудь случилось, Данила не хотел, чтобы Улада создавала себе проблемы излишней сентиментальностью. Да и не будет она этого делать. Другое дело, будет ли она всерьёз переживать разлуку?

Данила раздумывал об этом, ворочая веслом, тело выполняло привычную работу, а мозг развлекал себя отвлечёнными мыслями. Это состояние было похоже на своеобразный транс. Тем более на этот раз он мог любоваться своей спутницей постоянно: Улада устроилась на корме у ног Шибриды, правившего лодкой. Поза двусмысленная, но Молодцов был твёрдо уверен, что, по крайней мере до Киева, эта девушка – его и только его.

Изящная головка, тонкая шейка, обвитая ожерельем, казавшимся слишком тяжёлым для такой хрупкой девушки. Рубаха до пят, которая на самом деле не скрывала, а только подчёркивала фигуру.

Данила почувствовал, что слишком увлёкся зрелищем, стал выпадать из «транса» и сбиваться с ритма. Не дожидаясь окрика Шибриды, он стиснул зубы и отвернулся к берегу. А всё-таки красивая природа на Двине, но скорей бы Днепр.

К Полоцку караван прибыл на третий день. В сам город не заходили, он был расположен в устье реки, впадавшей в Двину, которое всё было запружено лодками. Пришлось пристать к берегу, в радостные объятия полоцких таможенников. Десяток крепких воинов в отменной броне – викингов, судя по длинным бородам, – вместе с надутым от важности и жира тиуном шествовали от представителей одной новгородской сотни к другой. Те отводили к однодеревкам, на досмотр товара. К счастью, все грузы не перетряхивали, сумма пошлины определялась на глаз. Сам Путята долго разговаривал с тиуном, определяя сумму налога и взятки, пока оба они не пришли к обоюдному согласию. Но так дела вели только с проверенными купцами из солидных сотен, какого-нибудь заезжего молодого купчика могли трясти с утра до вечера, пока он не заплатит, сколько скажут. Ничто не ново под луной. Хорошо тут пока до техосмотров и номеров на однодеревки не додумались.

Задерживаться долго не стали. После досмотра, опять поутру, – вперёд на Витебск, за которым ждал последний волок. Путята даже не стал ждать остальных сотенных, пустил свой караван вперёд. Волка ноги кормят, а купца... В принципе, тоже ноги, и спина, при правильной технике гребли. А ещё попутный ветер – с ним в этот поход было всё порядке.

До Витебска добрались через два дня. Всего, по прикидкам Данилы, на маршрут от Ловати до Витебска ушло где-то десять-одиннадцать дней. Прямо сказать, офигенная скорость. Молодцов пытался прикинуть, сколько они прошли в километрах. По прямой он сказать затруднялся, потому что карту наизусть не помнил, а если по всем изгибам рек, то километров триста запросто наберётся. По ощущениям они и вовсе целую тысячу одолели.

В Витебске Путята ещё раз уплатил пошлину и направил свой караван к вожаемой цели, до которой оставался буквально последний рывок.

Днепр – это не просто вольготное плавание вниз по течению. Там на волоках ждала караванщиков и бережников ладья «Лебёдушка», большое торговое судно купца. На нём Данила совершил своё первое путешествие на Север. Плавание на большой, ладно сработанной ладье отличалось от плаванья на однопалубке, как езда на «Жигулях» от гонки на «Феррари». Другая скорость, другое восприятие реки – всё другое.

В прошлом году Путята, опасаясь мести Гуннара Скрыги

– нурманского купца, а по совместительству разбойника и викинга, – отправил «Лебёдушку» на салазках по снегу на территорию, контролируемую Новгородом, где месть Гунна-ра, который приходился вдобавок родичем Смоленскому наместнику, их бы точно не настигла. Путята, как выяснилось, ошибся, но суть дела не поменялась. Корабль остался нетронут, и как только вся история с Гуннаром Скрыгой разрешилась, купец тут же отправил гонца на волоки с тем, чтобы «Лебёдушку» на салазках обратно откатали к нужным притокам Днепра. В Витебске гонец встретил караван и заверил, что «Лебёдушку» доставили в лучшем виде, с двумя другими большими кораблями Путяты.

Глава 5

Неожиданная встреча

От Витебска вверх по Двине караван шёл около полутора суток в приличном темпе. За напряжённую работу Путята отдался на славу: нанял несколько воловых упряжек, которые будут волочить сцепки однопалубов до волока из Двины в Днепр. Кроме того, купец, как оказалось, в Витебске оплатил твёрдое место в очереди на переправу, так что судам не придётся проталкиваться через русло, запруженное кораблями торговцев и просто шкуроторгов, жаждавших сбыть свой товар чуть подороже. Их чинно, за княжеской ладьёй, как кортеж с мигалкой, проведут к волоку и в положенный срок переправят.

Двина была куда гуще заселена – по сравнению с Ловатью и Волховом, конечно, – и водораздел был куда больше, но зато его не затапливало по весне, а значит, в тех землях можно было устроиться куда комфортнее. Чем не преминули воспользоваться Клек, Шибрида, да и все остальные торговые гости. Путята, пока ждали переправы, выделил каждому сумму денег, которой хватило бы на то, чтобы отдохнуть и развеяться после трудного перехода.

Братья-варяги немедленно ушмыгнули в ближайший публичный дом. Нелегко им было плыть рядом с такой красавицей, которой жадный друг ещё и делиться не захотел, но они парни славные, им в любом городе никто не откажет.

Даниле никакой платной любви было не надо. Вдвоём с Уладой они отошли в лес подальше от шумного волока, прогуляться, ну и не только.

Найдя подходящую полянку, Улада расстелила покрывало на травке и стала не спеша развязывать пояс рубахи. Даниле нравилось за ней наблюдать, как она всё делает: чётко, уверенно. Во всём этом не проскальзывало ни намёка на рутину. Скорее, обстоятельность и серьёзный подход к делу. А что может быть серьёзнее и важнее, чем близость двух небезразличных друг другу людей?

Улада бросила поясок на покрывало, сняла ожерелье, схватилась за подол и ловко стянула рубаху через голову. Совершенно обнажённая, только обвязка на голове, она замерла перед Молодцовым. Не из кокетства, а потому что знала,

что ему нравится на неё смотреть.

– Снять? – Улада коснулась височных колец.

Данила кивнул. Девушка, по-прежнему не торопясь, стала осторожно выплетать из волос большие серебряные кольца. Справившись с этой работой, она сняла замысловатый убор, ловко расплела косу и встряхнула длинными русыми волосами, которые тут же волной рассыпались по плечам и спине.

Улада была достаточно спортивной и фигуристой, чем изрядно выбивалась из стандартов здешней красоты. Клек часто говорил, что бабу ты должен чувствовать в кулаке, с какой бы стороны ни схватил. Тем не менее у Улады всё было при ней: широкие округлые бёдра, налитая, полная грудь, сейчас полностью открытая взгляду, подтянутый животик вздрагивал в такт возбуждённому дыханию. Что ещё поражало Данилу в Уладе, так это её чистая алебастрово-белая кожа. В его родном времени, где царила мода на солярии и похотливых мулаток, таких, наверное, и не встретишь.

Данила сделал шаг, оказался рядом с девушкой, схватил её за грудь, грубо, но ей это нравилось, ослабив хватку, он прошёлся пальцами по коже, соединил их щепотью на соске. Улада томно вздохнула, её любимый был притворно груб, но думал о ней. Его ласки были точны и приятны, будто он читал мысли и точно знал, чего она хочет. Что это было – колдовство, чародейство, дар богов, девушка не знала, но ей было очень хорошо с Молодцом.

Данила покрутил между большим и указательным паль-

цем упругий сосок, набухший от его действий, вызвав этим новый стон Улады. Его спутница плавно опустилась на покрывало, потянула Молодцова за собой.

Данила встал на колени, внимательно оглядел девушку. Она откинулась назад, на руках, чтобы лучше смотрелись груди, а ноги сложила одну на другую, так что бы остался виден только треугольник волос на лобке.

Молодцов смело просунул ладонь между сведённых ног, секунда сопротивления – и женское тело поддалось мужской воле. Он повёл свои пальцы вверх, по нежной коже внутренней стороны бедра к манящему изгибу лобка. Ощутил ладонью жар и влагу распалённого лона под слабой защитой мягких волос. Данила стал нежно, но настойчиво водить ладонью по кругу...

– А давай выпьем мёду? – неожиданно предложил он и остановился.

Улада не выдержала, засмеялась. Ей встречались такие мужчины, которые любили мучить девушек не только силой, но и лаской.

– Это да? – уточнил Данила.

– Да, давай выпьем! – хрипло ответила девушка.

Он развязал пояс, снял с него деревянную фляжку, обтянутую кожей. Сам пояс с оружием положил здесь же, на будущее ложе любви, не дальше вытянутой руки, как учил Воислав. Сделал первый глоток и лишь потом протянул напиток девушке. Данила всегда был сладкоежкой и не упустил

случая поддразнить Уладу. Она же дразнила его всё плавание. Почему ей можно, а ему нельзя?

– Скажи, что я хороша? – попросила девушка, приняв флягу.

– Ты восхитительна, – ответил Молодцов.

Лукавить не было смысла, ему нравилась его неожиданная попутчица. И в данный момент особенно. Улада вся сейчас походила на натянутую струну, дотронься – зазвенит.

Она коснулась губами горлышка, сделала маленький глоток – и переменялась в лице.

– Откуда у тебя эта фляга? – ледяным голосом спросила она, так что у Молодцова мурашки по спине пробежали.

– Шустрик дал. Сказал, что по случаю отдыха Путята велел всем раздать лучший мёд. А что?

– Ты пил его, пока мы шли сюда?

– Ну так, сделал пару глотков. Так я не понял...

Земля вдруг ударила по коленям Молодцова:

«Ого, забористый, оказывается, медок», – подумал он от неожиданности и едва не повалился на покрывало, но головокружение не прекращалось.

– Сейчас-сейчас, подожди любый, – слышался где-то вдалеке голос Улады.

Нежные девичьи пальчики взяли Данилу за подбородок, вздёрнули вверх, сунули в рот комок чего-то.

– На вот, запей.

В горло полилась ключевая вода, обалденная на вкус, Мо-

лодцов сумел проглотить горький комок – сразу полегчало. Земля под ногами больше не прыгала, голова кружилась, но умеренно. Перед глазами, правда, всё плыло.

– Потерпи, сейчас всё пройдёт, потерпи.

При всём хреновом состоянии Данила ощущал невероятный кайф от того, что ласковые ладошки гладили его по голове.

– Вставай, дорогой, надо идти, – прошептал на ухо тёплый голос, то ли Улада звала, то ли голос матери из далёкого прошлого, поднимал в школу.

Неожиданно что-то с силой вздёрнуло Молодцова вверх, сдавило горло, так что кровь мгновенно прилила к голове.

«Ни хрена себе у меня глюки пошли», – подумал Данила, и тут до него донёсся высокий женский крик – голос Улады.

Расхлябанное дремотное состояние как рукой сняло. Тут же включился боевой режим, обострились все чувства, но глаза застилала пелена, в ушах – набат. Разум мгновенно оценил ситуацию: Улады не видно, по бокам слышен шорох (ещё враги?), захват почти правильный – за горло, в первую очередь, надо освободиться от него. Мозг отдал приказ, а тело заработало на вбитых рефлексах.

Данила двумя руками резко сбил вниз державшую его за горло конечность, одновременно изогнулся, побив правым её плечом вверх, и нырнул назад в образовавшийся просвет в захвате, выворачивая за собой руку врага.

Молодцов не глядя выбросил ногу назад, на шум, стопой

ощутил твёрдую поверхность. Уловил глухой сип и звук падения, значит, пришлось хорошо. Дёрнул на себя руку в захвате, ещё больше её вытягивая, удерживая за локоть. Рывок! Ки-яй!!!

Хруст выворачивающихся суставов разбойника слаще самой лучшей музыки. Опять выручил слух: сквозь шум в голове уловил свист рассекаемого воздуха. Данила успел присесть, что-то твёрдое едва задело по макушке.

«Оглушить хотели, не убить», – тут же сообразил мозг.

Ну, ещё надо посмотреть, кто кого оглушит. Данила рванулся туда, откуда прилетела дубина, успел перехватить новый замах. Перед взором возникло испуганное бородатое лицо с разорванной губой. Молодцов на автомате провёл приём: рванул за грудки на себя разбойника, а сам, чуть откинувшись, заехал врагу лбом в нос. Нос хрустнул, а у Данилы потемнело в глазах, и одновременно из них же посыпались искры.

Новый удар, опять откуда-то сзади, по спине, вышиб из лёгких воздух. Молодцов попробовал спрятаться за разбойником, который сопротивляться не пытался, как за щитом. Получилось или нет, непонятно. Перед глазами всё плывёт. Что делать!

«Кистень, кистень! – бродили в голове шальные мысли. – У меня где-то был кистень. Нет, какой кистень с такой-то координатией. Сам себя зашибу. Что ещё?! Нож, у меня где-то был нож, на поясе, где он валяется?! Ещё нож в сапоге!»

Едва рука потянулась к оружию, как по ней долбанули дубиной. И ещё раз – чуть пониже под колено. Данила ухнул носом в траву. Следующего удара в темя он уже не почувствовал.

– Ты не зашиб его часом, Болдырь? – опасливо прогундосил меченый разбойник, которому Данила нос сломал. Он и раньше говорил не разобрать из-за дефицита зубов, а теперь и вовсе речь его едва можно было понять. Но тот, к кому обращались, понял всё. Невысокий мужик, обросший, уже в летах, но ещё очень крепкий, с очень широкими плечами и длинными руками, наклонился над Молодцовым. Заскорузлый палец с длинным жёлтым ногтем отодвинул веко.

– Нормально, в самый раз до ночёвки донести, – клопочущим голосом объявил Болдырь.

Его волосы, цвета перца с солью, густые и длинные, переплелись между собой, образуя настоящую гриву.

– Хорошо, если так, – проямлил разбойник.

– Хорошо... – Болдырь презрительно сплюнул: – С одним опоённым не справились, помощнички.

– Так вой же...

– Какой вой? Обережник обыкновенный. Мятлик. Мятлик! Ты как?

– Рука! – простонал здоровенный белобрысый парень слегка дебиловатого вида и в качестве иллюстрации своих слов приподнял правую руку, выгнутую под неестественным углом.

– Ничего, дедко залечит.

В кустах раздался шорох. Болдырь ощерился, хотя у него и так на лице застыло выражение, похожее на оскал.

Из кустов выбежал худой длинношей мужик с редкой бородёнкой. Роба у него была в царапинах, а рубаха порвана.

– Сбежала, стервь! – выпалил он. – Болдырь... Болдырь, стой, ты чего, чего? Я не виноват! – запричитал мужик, увидев, как у его собеседника выдвинулась вперёд нижняя челюсть, а из груди донеслось рычание.

– Как это сбежала, Гостян? – прохрипел он.

– Дык... Сразу видно: ведьма она. Точно тебе говорю. Она энтото, – жест на Данилу, – чем-то опоила, и тот сразу на ногах оказался. А когда это было видно, чтобы зелья дедковы не сработали? И мне глаза она отвела, стерва.

– Как же она тебе глаза отвела, если на нас обоих заговоры дедковы?

– Ну я... это...

– Сам перед ним оправдываться будешь! А пока вы с Окуном помогите Мятлику.

Болдырь без особых усилий перекинул Данилу через плечо и потопал в чащу, за ним последовали губастый и длинношей, волоча на плечах раненого сообщника.

– Кто напал? – удивился Воислав.

– Не знаю, – всплакнула Улада и ещё сильнее закуталась в плащ, прикрывая свои прелести. Плащ Даниила Молодца,

кстати.

Историю, что поведала теремная девка, пусть и бывшая, на правду мало походила. Даниил не великий воин, но выхватить оружие он всё равно бы успел, даже если бы на него и десятеро напали. Если только его сразу не оглушили. А тут, по словам Улады, он голыми руками дрался, татю умудрился шуйцу переломить. Сама же девка смогла сбежать как-то, от тех же четверых разбойников, что одного обережника обработать сумели.

Словом, крепко засомневался в рассказе девушки Воислав, ох, крепко. Но своим воям всё равно приказал:

– Шибрида, Клек, возьмите собак и по следу Улады. Обыщите ту полянку, найдите след выроdkов. Поспешите, времени мало. Скорохват, возьми ещё двоих наших, осторожно поспрашивай других сотенных. Может, слышал кто, как на нас зло таили. У самого Данилы ни с кем разлада не было?

Улада отрицательно мотнула головой.

– Да откуда, мы же круглые сутки на вёслах, – удивился Будим.

– Всякое бывает, – отрезал батька, – не медлите!

Воины быстро разбежались выполнять приказы. А Улада, до этого скромно молчавшая, потупив глазки, вдруг позвала Воислава низким, полным тепла и женственности голосом. Тем самым голосом, которым кружила головы боярам и купцам, да так, что они сами выдавали ей свои самые сокровенные тайны. Немногие могли противостоять её чарам, среди

них и Даниил Молодец. Поэтому Улада и захотела быть с ним.

– Старший, старший. Знаю, не веришь мне. И правильно делаешь, ты мудр и умён. Кое о чём умолчала я при всех. Опасалась послухов. Даниила не просто так побили, его отравили сперва. Подсыпали что-то, чтобы голова и руки были как не свои. Вот в этой фляжке отравы была, – Улада выудила из-под плаща руку с фляжкой, отчего ткань разошлась, обнажив молочное белое бедро и то, что выше. Воислав, следуя мужской натуре, скосил глаза, оценил красоту Улады, но в целом к женским прелестям остался равнодушен.

– Испытай меня, если хочешь. Позови холопа с нашей лодки, Шустрика, сделай вид, что хочешь испить из этой фляги, и увидишь, что будет. Только прошу, не медли, времени и в самом деле мало.

Воислав сощурился, смерил девушку недоверчивым взглядом. Он начал понимать, почему Даниил взял с собой Уладу. Такая в самом деле может быть опорой и подмогой настоящему воину, но жить с ней всё равно что гадюку болотную под кроватью держать. Даниилу, конечно, самому решать, что делать, но не взял ли Воислав на этот раз к себе в ватагу настоящую ведунью?

– Хорошо. Проверим. Найти мне Шустрика! – мощным, натренированным в десятках битв голосом приказал Воислав.

Мал и Ломята поставили холопа перед батькой:

– Ты вокруг обережника что-нибудь странное замечал? Может, следил кто? – спросил Воислав.

– Не, что я мог увидеть? Я ж работаю весь день, спины не разгибаю.

– Что с ним случилось, знаешь? – надвинулся на холопа Воислав.

– Д-да-а, – заикаясь, ответил Шустрик.

– Пропал он. Только вот эта фляжка и осталась. Хорошая фляжка, дорогая, наверное, и напиток в ней хороший. Допить можно, а то пропадёт...

Воислав вынул пробку, поднёс флягу ко рту.

– Не пей, батька, мёд! – заверещал холоп.

– А ты откуда знаешь, что в ней?

– Я, я не знаю...

– Ты эту фляжку моему обережнику отдал?

Голос варяга был ледяным, как ветра Варяжского моря. Хруст – и фляга в его кулаке разлетелась в щепки. Отравленный мёд вязкой жижей растёкся по земле. И без того напуганный Шустрик затрясся, залязгал зубами, словно стоял на морозе.

Воислав одной рукой поднял холопа на уровень своего лица.

– Знаешь, что я с тобой могу сделать? – Шустрик не ответил, но, скорее всего, он знал. – Но мне не нужно сейчас с тебя снимать шкуру, – неожиданно ласковым, отеческим голосом добавил варяг. – Мне нужно, чтобы ты сказал: кто

дал тебе эту флягу, из какой он сотни и где ты его раньше видел. И ты скажешь.

– Я скажу, боярин, Хорсом клянусь, всё скажу. Только помилуй меня, по доброте твоей христианской, помилуй.

* * *

Куда и как его несли, Данила не знал. Ощущал только, как его голова, словно раздутая от прилившей крови, болталась из стороны в сторону, будто колокол. Потом его бросили на что-то твёрдое, связали руки-ноги, подняли, уже за них, и снова понесли.

Пришёл в себя Молодцов от запаха копоти, гари и подгорелого жира. По смеси запахов он безошибочно определил, что его занесли в помещение. Данила так и не привык к тому, как здесь топили в домах: по-чёрному, на этих же печах и еду готовили, в лучшем случае вся гарь выходила через продух в крыше.

Но там, где оказался Молодцов, с вентиляцией было совсем туго. Кругом царил темнота, то ли из-за повязки на глазах, то ли просто потому, что источников света не было. Лодыжки и кисти Данила едва чувствовал, по степени онемения он определил, что связали его довольно давно, но пока особого вреда это не принесло. Ладно, не в первый раз его связывают.

Раздался длинный протяжный скрип, от вспышки света Данила испытал сильную боль и зажмурился.

– О, гляди, кто проснулся, наш Молодец, – голосом, почти

таким же скрипучим, как дверь, произнёс вошедший.

А, нет, судя по звукам, вошедших было двое: один хромой, маленький, другой гораздо более тяжёлый и сильный. Молодцов с трудом повернул голову на шум.

– Ты глянь-ка! Никак у нашего гостя головка болит? Ну это мы сейчас поправим.

Данила почувствовал, как горячие пальцы прикоснулись к темени, и боль вдруг как рукой сняло. В глазах даже прояснилось, только связанные руки по-прежнему ныли. Как бычка на торгу его разглядывали двое: ведун, тот самый, с волока, и широкоплечий патлатый детина с застывшей на лице презрительной улыбкой, больше походившей на оскал.

– Узнаёшь меня, Молодец? – проскрипел ведун с кривой усмешкой, наклоняясь почти к носу Данилы. Сделать это ему было нетрудно, он и вправду оказался невысок ростом и сутуловат, а уж рядом со своим провожатым и вовсе казался гномом каким-то. Но ясные голубые глаза, с необычной тёмной синевой вокруг зрачков, по-настоящему пугали. Данила впервые за время своего похищения ощутил укол страха. Но демонстрировать его не стал, а спрятал за показной наглостью.

– Узнаю, я на память не жалуюсь. Ты тот колдун, что деньги из честных гостей торговых вытягивал.

– Я вытягивал? Да ещё из гостей торговых? Чёй-то ты путаешь, паря, мы к гостям относимся с уважением. Вон тебя полечили.

– Раз такие добрые, развяжите меня. Руки болят.

– Болдырь, сними с него путы, – неожиданно согласился ведун.

Патлатый здоровяк своими лапищами с длиннющими когтями почти сразу развязал узлы. Данила стиснул зубы, чтобы не застонать от боли, когда возобновился кровоток. Хорошо, что терпеть пришлось недолго.

– Крепок, – оценил ведун с умеренным скептицизмом. – Но и не такие мне кланялись, о помощи умолая.

– А меня зачем тогда приволок? Мне твоя помощь не нужна. Знаешь моего батьку? Ему тоже. И он тебя не боится, придёт – башку срубит. Он всяким колдунам головы рубить мастак, можешь поверить, это правда.

Ведун захекал, засмеялся, видимо.

– Осадить его, дедко? – спросил Болдырь.

– Да зачем, пусть скоморошничает... Сейчас мы поглядим, каков он на самом деле... поглядим...

Ведун наклонялся всё ниже, пялился своими тёмно-синими с голубой каймой глазищами. Данила сначала заробел. Да попросту испугался. Кто бы не испугался на его месте? От взгляда ведуна подступал страх, от него исходила настоящая сила. Молодцов неосознанно отвернул голову, потупил глаза. А потом подумал:

«Да ничего мне этот колдун не сделает!»

Может, сыграло роль то, что Молодцов, несмотря на своё чудесное перемещение, так до конца не поверил в магию и

всякие тонкие материи или же банальное незнание, невежество, а может, и просто наглость. Но Данила верил, что колдун ему не может ничего сделать, верил, и всё тут!

«Ведь я крещёный! – решил он. – Что мне этот доморощенный экстрасенс может сделать? Да ничего! Вот патлатый опасен, да, но авось батька с обережниками раньше на помощь успеет, покажет местным народным целителям, где раки зимуют».

Обдумав это, Данила устоял в ответ на колдуна. Без вызова и агрессии, простым спокойным и равнодушным взглядом. В глаза всё-таки Молодцов старался не смотреть, а отводил взор чуть в сторону, на угол с заплесневелыми стенами, справа от башки ведуна.

Эмоций никаких Данила тоже не испытал: раз этот старикан безвреден, то и волноваться не о чем. Разве только присутствовала усталость, ну и немного апатии.

Ведун долго разглядывал Молодцова, стоял, согнувшись, словно деревянный, несмотря на года. Наконец выпрямился, явно неудовлетворённый процессом.

– На помощь Бога своего надеешься? Ромейский бог сильный, но здесь у него власти нет! Я тебя всё равно обломаю.

– Обломает, а точнее разрубит тебя мой батька, пополам, если меч поганить захочет. А мой Бог, создатель всего и вся на земле, и ваших кумиров тоже. Кишка тонка у вас с ним справиться, – снова дерзко бросил Данила.

Ведун опять не рассердился, улыбнулся одними губами.

А Болдырь так и вовсе захохотал, а отсмеявшись, поведал хриплым басом:

– Раз твой Бог такой сильный, почему он на всей земле не правит? Ты знаешь, что князь наш Владимир со старыми богами своего брата Ярополка побил? А тот был христианин. Что его Бог ему не помог, а?

– Ничего, скоро ваш князь Владимир Крещение примет, всех языческих жрецов прочь прогонит и все земли свои и людей тоже покрестит. А кумиров ваших поганых в щепу порубит и в костре сожжёт!

На одном дыхании выпалил Молодцов, чувствуя, что сболтнул лишнее. Ну и пускай! Впервые за всё время беседы он ощутил настоящие эмоции: гнев и злость. Он им ещё покажет, пусть только попробуют...

Не успев обдумать все эти мысли, Данила вдруг оказался прижатым за горло к стенке избы, причём ноги его не касались пола.

– Что ты сказал?! – прорычал Болдырь.

Данила бы, может, и повторил бы, но говорить в его положении было довольно затруднительно.

– Пусти его, – тихо, но веско приказал ведун, его слуга послушался, но хватку не расцепил, а только ослабил. Молодцов с наслаждением вдохнул воздух.

– Ну, паря, что ещё расскажешь?

– А я тебе уже всё рассказал!

– Надо же! Что ж, прямо всех старых богов порубит?

– Нет, – не стал кривить душой Данила, – одного Перуна пощадит, велит его сплавить на остров Хорса и там оставить.

– И ведунов с волхвами всех убьёт?

– Убьёт или нет, не знаю, но прогонит – это точно. Но вы ещё долго по лесам будете шариться, людям головы дурить.

– Вот даже как.

Интонации в голосе у ведуна были не злые, но... нехорошие.

– Ещё что-нибудь поведай.

– А больше тебе ведать не положено! Могу только сказать, что Владимир будет воевать с кочевниками. Сначала уступит им, а потом сам их порубит хорошенько и вал на границе своих земель возведёт.

По правде сказать, Даниле больше сказать и нечего было. Все свои познания о Древней Руси он только что выдал старику-экстрасенсу.

– Ну ладно, – ответил тот, – раз молчишь, мы из тебя знания ещё выводим.

И потопал к столу, на котором горела лучина, а также в беспорядке стояли глиняные плошки и горшки.

Молодцов, пользуясь тем, что Болдырь отвернулся от него, явно ожидая дополнительных указаний в отношении пленника, собрался с силами и сбил захват с горла. По-правильному, с доворотом корпуса и прихватом руки соперника.

Болдырь сначала повёл себя правильно, то есть развернул-

ся в противоположную от Данилы сторону, спиной к нему, а потом... потом вдруг повернулся всем телом обратно.

Молодцов, как раз занесший ногу для подсечки, отлетел к ближайшей стенке, пальцы соскользнули с льняного рукава. Он долбанулся спиной, сполз, как лягушка, вниз, которой швырнули в окно. Болдырь как ни в чём не бывало направился к нему. Данила, едва пришедший в себя, смог среагировать: упёрся спиной в пол и с двух ног пробил мощно в живот недруга.

Болдырь, который должен был воспарить и отлететь метра на три, в последний момент как-то сумел чуть наклониться вперёд, встретив всем весом удар.

Ступни Данилы пронзило от боли. Ну нифига себе! Нет, ему случалось, спаринговать со всякими кёкушинкаистами, набитыми и впрямь как черепашки-ниндзя, но чтобы так – как будто ногами в камень засадил. Интересно, а ножом его пробить можно?

Один хрен, ножа у него нет. Болдырь наклонился, схватил Молодцова за ногу, потянул вверх, как котёнка. Молодцов свободной ногой засветил ему в пах. Тут Болдырь соизволил отреагировать: двинул бёдрами так, что пятка Данилы бесполезно долбанула ему в бедро. Молодцов упёрся, чтобы, имея опору, попробовать вырваться из захвата.

Болдырь, не обращая внимания на потуги Данилы, наклонился к нему, растопылив лапищу с ногтями-крючьями. Чисто монстр.

Молодцов напряг пресс, рванулся навстречу, выщелкнул прямой удар, целя пальцами в глаза. Должны же быть у этого ублюдка слабые места?

Болдырь опять в последний момент неожиданно легко перехватил удар, выбросил свою клешню. Сжал горло Данилы, точно пережав железными пальцами сонные артерии.

Голова тут же потяжелела, избушка закружилась, как если бы и впрямь стояла на курьих ножках. Последней мыслью Молодцова перед тем, как вырубиться, было: «Нет, убивать они меня не будут. По крайней мере, сейчас».

* * *

Шустрик рассказал всё, что знал, всё, что видел, и вообще всё, что, по его мнению, могло помочь в поисках. Он из кожи вон лез, чтобы не потерять свою шкуру, в прямом смысле слова. На дело его подбил некий Морош, из людей купца Сбыслава. Сам купец был из Словенской сотни, из той же, что и Путята, но Мороша он взял к себе по договору, а тот как раз родом был из окрестных мест.

Шустрика он встретил вчера вечером, уже зная, что люди Путяты планируют отдохнуть. Дал фляжку и заплатил полгривны чистым серебром, чтобы тот отдал её Даниилу, когда они с Уладой пойдут миловаться. Шустрик божился, что сначала отказывался, не хотел ничего передавать. А Морош ему в уши напел, что Данила чужак, невесть откуда пришедший, христианин, а Улада так и вовсе продажная девка. Они вместе на том и сошлись, наверняка какую-нибудь гадость для

Путяты задумали. Шустрик и вправду слышал, как они меж собой разговаривали о чём-то ведовском, не нашенском, вот он и подумал, что несчастье они какое могут принести, ну и... Воислав ему съездил ладонью по голове, вскользь по тебе, и холоп перешёл на правильную тему.

После того как он отдаст флягу, Шустрик должен был прийти к шатрам Сбыслава, рассказать, куда ушли Молодец с Уладой, и получить ещё половину гривны.

— А никого там не было! — холоп не смог скрыть возмущения в голосе, но тут же стушевался.

В общем, пришёл он обратно к берегу, где стояли однодеревки, и принялся за работу, ведь он, Шустрик, хозяйственный, работающий и умелый.

Воислав ничего не ответил холопу, он и не слушал его заключительных слов, а был занят другими мыслями. Для него, пускай даже христианина, Шустрик был предметом, мебелью, вещью, в данном случае с дефектом, но это могло подождать.

Ещё не дослушав рассказ, Воислав послал оставшихся обережников в лагерь Сбыслава, с наказом перерыть всё, но найти этого Мороша. А если не его, то хотя бы следы, куда он сбежал, где мог укрыться.

Как и предполагал батяка обережников, поганца с самого утра никто в лагере не видел, зато приказчик Сбыслава поведал интересную новость. Морош тот якшался с ведуном одним, что порой на волоке околачивался. Помогал ему по

всяким мелочам, навроде холопа:

– Но ряд он с ним не заключал и без ярма холопского ходил, вроде как слово ему дал за помощь какую-то. А кто же ведуна обманывать станет? Вообще тот ведун – уважаемый человек, много пользы от него получается. В самом Витебске его посадник, бывало, привечал.

– Живёт где? Далеко отсюда? – спросил Воислав.

– Живёт, знамо, недалеко, иначе как бы к нему люди за помощью бегали? Но никто тебе на его дом не укажет. Боятся, сам понимаешь, – заключил приказчик.

– Я не боюсь, – ответил варяг. – Может, ты знаешь, приказчик? Только укажи, я уж вознагражу как следует, – Воислав многозначительно звякнул своим кошельком, висевшим на поясе. – А мести ведуна не бойся, после того как я его навещу, мстить будет некому.

– Ох, прости, Воислав Игоревич, и знал бы – не сказал, не серчай только. Разве что... Живёт неподалёку один бортник, вот он на ведуна зуб имеет, ох, большой. Не знаю, что там у него с ним приключилось, но люто он не любит его.

– Где живёт?

– В протоке по той стороне Двины. Я мальчика пришлю, он покажет.

– Как скажешь.

Приказчик удалился, а Шибрида спросил:

– Ведун, думаешь, тот самый, которого ты на Ловати оскорбил?

Они с братом давно уже вернулись с поисков. Собаки след, как и ожидалось, не взяли. Сами варяги никаких примет не нашли, хотя следопыты тоже были знатные.

– Больше некому. Долго плёлся за нами, стервь.

– Из-за нескольких кун, тем более здесь – под Витебском, и таясь, так чтобы не никто узнал, что он учудил. Зачем это делать ведуну, если ему нужно лицо своё сохранить? А главное, при чём здесь Даниил? Ведь ты же его оскорбил, батяка? – трезво рассудил Шибрида.

– Ну, Молодец у нас всегда был с причудами, – усмехнулся Клек.

– Скоро мы всё у этого ведуна узнаем, – посулил Воислав. – Кликните, чтобы вся ватага собралась, а я пока с Пу-тятой всё обговорю. И ещё кое с кем.

Улада сидела в однодеревке, всем своим видом изображала горе и растерянность, но руки у неё, как всегда, были заняты рукоделием.

– Уладка, пойдй сюда, – приказал варяг.

Девушка безмолвно вышла на берег, встала перед ним, потупила глаза.

– О чём вы с Даниилом говорили?

– Не понимаю тебя, Воислав Игоревич, о чём мы могли с ним говорить...

– Бросай юлить, девка. Я не Даниил, вижу, как ты им вертишь. Я тебе съезжу один раз по личику твоему, враз забудешь, как голову мужам дурить. О каком ведовстве ты с ним

говорила?

– Я? – Улада всерьёз испугалась. – Ничего быть такого не могло, оклеветали меня!

– Холоп из вашей лодки слышал, как вы беседовали.

– Дурень твой холоп, не могли мы ни о чём таком говорить.

– А о чём тогда болтали?

– Да о том, что он не такой, как вы все. Никогда я такого мужа не видела. Он вроде и глупый, как дитё, а бывает мудрым, что старец. И думает о тебе, заботится как никто, хотя и виду не показывает.

– Зачем же он тогда ведуну понадобился?

– За этим и понадобился: разузнает, что в нём такого необычного, выпьет и себе запрячет, – Улада всплакнула, на этот раз искренне, вдруг подняла свои карие глаза: – Ты спасёшь его, воин славный?

Воислав сжал челюсти.

– Занимайся своими делами.

Проводник держался нагло. Стоял подбоченясь, длинная чёрная борода тянулась почти до живота. В ухе серьга, нос набок, взгляд наглый.

– Ты Глызмарь?

– Иначе бы я не пришёл к тебе. Зачем звал?

– Я спрашиваю, ты отвечаешь, – уронил Воислав без налёка на угрозу, но как раз это и произвело нужный эффект:

бортник подобрался, улыбочку с лица убрал. – Ты знаешь, где живёт здешний ведун?

– Тот, что с волока? – удивился Глызмарь и после паузы добавил: – Знаю.

– Дорогу показать сможешь?

– Смогу. Только зачем? Кхм... Дело это опасное. А ведун тот плут и обманщик, тебя вокруг пальца обведёт, да ещё чары наложит.

– Я с ним рядиться не собираюсь, у него мой человек.

– Ах вот оно что! Тогда отведу тебя и даже плату не возьму, но с одним условием.

– Говори.

– Ты отдашь мне жизнь этого паскудника.

– Жизнь его я не могу тебе отдать, – сказал Воислав, – она уже принадлежит Перуну, а голову... Что ж, если хочешь – забирай.

– Голову. – Глызмарь осклабился, показав редкие жёлтые зубы. – Что ж, и голову можно, так даже лучше будет.

– Я и серебром не обделю. Скажи только, он далеко живёт отсюда? И много с ним людей?

– Живёт он в полупоприще, да только не каждый к нему дорожку найдёт. Людей с ним бывает по-разному. Обычно не больше пяти, так, обычные тати. Но не людей тебе следует бояться.

– Колдовством меня не напугать.

– А я и не про колдовство говорю...

* * *

Очнулся Данила буквально на том же месте. Спутанный, но по-другому, руки за спиной прижаты едва ли не локоть к локтю, но не онемели. Или связали его грамотно, или слишком мало времени прошло. Ноги были свободны, но на одной имелось что-то вроде деревянной колодки, от которой тянулась цепь к заушине в стене.

Колдун сидел за столом, загораживая свет лучины, что-то бурчал про себя, резал, толоч в чашках. В принципе, не такая уж плохая ситуация: верёвки с рук снять, до колдуна этого добраться – цепь не помеха, – шею ему свернуть, а дальше найти какое-нибудь оружие, хоть железяку обыкновенную, и посмотреть, так ли тот патлатый отморозок непробиваем, как кажется. Надо только верёвки как-нибудь разрезать, черепком или чем-то вроде того, может, удастся найти где-нибудь на полу в бардаке.

– Что, очухался? Не сильно тебя Болдырь помял? Сбежать думаешь?

Данила застыл. Как ведун его услышал? Он не издал ни звука после того, как очнулся. Мысли, что ли, читает? Да ну, бред, о чём может ещё мечтать пришедший в себя пленник?

– Ужин себе готовишь? – съязвил Молодцов, хоть какая-то самозащита.

– Не, тебе.

– Я сыт.

– А я тебя спрашивать и не буду, ежели сам не расска-

жешь, кто ты да откуда. Да откель твоя силушка.

– Дед, у тебя что, маразм? – спросил Данила, будучи не уверенным, что ведун поймёт значение слова.

– Не хочешь говорить – не надо, – ответил тот и снова застучал ножом, бурча что-то под нос.

– Я же тебе вроде всё рассказал, что знаю. А больше говорить незачем, не к чему тебе это. Да ты и не поверишь.

– Почему? – ведун вдруг повернулся.

Странно, но в темноте Молодцов отлично видел его глаза, голубые с тёмными прожилками.

– Расскажи. Мне-то нужно знать, откель ты взялся или вселился в тело этого бедолаги. Расскажешь добром, зачтётся тебе.

«За кого он меня принимает? – подумал Данила, и тут в мозгу всплыла другая мысль, словно чужая: – Тяни время».

– Э, друг, ну ты и сказанул! Вот так возьми и расскажи... Тут за один день не управиться. Например, знаешь ли ты, дед, что такое ядерная реакция?

Оп-па, заинтересовал, дедок даже ножик отложил.

– Ну вот слушай тогда.

... – Бреешь всё ты, – махнул рукой в длинном рукаве ведун.

Упоминание о том, что земля круглая, у него не вызвало шока. Что можно в космос, то есть на небо, запускать ракеты, тоже не удивило, даже геостационарные спутники он вос-

принял как должное. Но вот что серебро заменят бумагами, а то и вовсе кредитными карточками – в это верить он отказывался. Впрочем, быть может, и остальное он воспринимал по-своему, адаптировал как-то к своему восприятию мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.